

Векру Света

32-33

ЛУИ ПАСТЕР

Очерк Стэм

В июне 1885 г. население эльзасской деревушки было взволновано: девятилетнего мальчика Иосифа Мейстера искусила бешеная собака. Спасаения нет. Все это знали, но были бессильны. Вспоминали такие же случаи и подробности ужасной смерти.

Но эльзасский мальчик Иосиф Мейстер не умер летом 1885 г. На его счастье им заинтересовался старый ученый. Начал лечить. Странное лечение, — такого никогда и никто не видал. Но все равно, другого выхода не было. Ученый ежедневно впрыскивал мальчику из шприца мутноватую жидкость. День за днем. 21 день. Иосиф Мейстер был весел и бодр.

Июнь 1885 г. был исторической датой человечества.

Луи Пастер производил первый опыт на человеке, зараженном ядом бешенства. Первая прививка человеку противоядия. И первый опыт удался! Имя Пастера, известное только среди ученых и небольшого круга интеллигенции, стало известным всему миру.

Пастер родился 27 декабря 1822 г. во Франции, в городе Доль (департамент Юра). Отец его, отставной солдат, имел небольшой кожевенный завод. Мальчик Луи учился в коллеже Арбуа и в Безансоне. Учился хорошо. Имел большие способности к физике и химии. Получив подготовку средней школы, Пастер переходит учиться в Париж, в „Ecole Normale“.

1843 г. Пастер с головой уходит в работы по химии. И через пять лет, в 1848 г., появляется его первый научный труд. Он получает место адъюнкт-профессора в Дижоне. Вскоре Пастера видят в научных кругах Страсбурга, Лиля и наконец в Париже. Ученик „Ecole Normale“ делается ее руководителем. Но характерно, что буржуазное общество и буржуазная наука не дают Пастеру, уже проявившему свою глубокую эрудицию, широко развернуть свои опыты. К чему? Что даст он? Где с пользой (материальной выгодой) можно приложить его опыты? Буржуазия не видела для себя материальной выгоды в опытах Пастера, и он не получил вначале ни сантима для своих работ.

Но это не остановило ученого. Увлеченный бактериологией, на собственные скудные средства, где-то на чердаке руководимого им научного учреждения Пастер создает свою лабораторию. Кустарная лаборатория! Один из современников Пастера рассказывает, что в этой лаборатории часто не хватало минимума самого элементарного оборудования. Пастер работает почти круглые сутки. Дни он отдает руковод-

ству учреждением, вечера и ночи — кропотливому лабораторному труду, за микроскопом, среди банок, растворов, реактивов и т. д. Были периоды, когда личная работа Пастера встречала иронические улыбки его „коллеги“.

— Червячками занимается. Хочет лечить их...

Пастер в это время увлекался изучением болезней шелковичного червя. Работал ночи напролет. Упорные занятия у микроскопа не прошли даром. Здоровье ученого было подорвано. В 1869 г. Пастера сразил апоплексический удар. Часть тела ученого была парализована. Дорогая расплата за труд, даже увенчанный успехом!

Но Пастер выздоровел и мог продолжать любимую работу. И только через двадцать лет после этого случая (апоплексического удара), имея уже гигантские заслуги перед наукой и человечеством, имея десятки трудов, капитально обогативших науку, он был почтен страной. 14 июля 1888 г. в Париже был учрежден Пастеровский институт для борьбы с заразными болезнями. Организация научного учреждения была произведена по подписке. Собрали 2,5 млн. франков. Характерный штрих для буржуазного государства!

К этому времени Пастер имел большую известность. И стыдно было бы Франции не почитать своего ученого.

Шли годы, и каждый год давал все новые и новые открытия в бактериологии, блестящие, ошеломляющие открытия. Пастер нашел бактерию, окисляющую спирт в уксусе. Это дало возможность рационально поставить фабрикацию уксуса. Потом он занялся изучением болезней вина. О, в это время он работал уже не на собственные средства. Буржуазия повела, что опыты ученого могут ее обогатить. Пастер был уже членом Академии, „бессмертным“, получал награды, денежные премии и т. п.

Работая в области бактериологии, Пастер принес колоссальную помощь в борьбе с бо-

лезнями. Сибирская язва, страшный бич, „божье наказание“, перед которым смирялись люди, оказалась излечимой! Пастер научил, как избавиться от этого „божьего наказания“. Он нашел токсин, выделяющий бактерии.

Десятки и сотни тысяч животных, зараженных сибирской язвой, могли быть спасены. Взятые для опытов животные, которым были сделаны прививки, все выжили; пали только те, которым прививок не делали.

1879 г. дал новую победу над курьей холерой.

Вместе с Пастером в институте его имени работали его ученики: Ру, Дюкло, Мечников и другие. Ру и Беринг, идя по следам учителя, открыли вакцину против дифтерита. И дифтерит стал не страшен. Болезнь, уносившая 90 % больных детей, была укрощена одним уколом шприца.

Пройдя такой длинный научный путь, Пастер подошел наконец к ликвидации в крови больного яда бешенства.

Пастер начал изучать над собаками инкубационный период бешенства. После многих опытов он вывел заключение, что путь к спасению найден. Для сыворотки противоядия Пастер применил спинной мозг пораженного бешенством животного (кролика). Если мозг умершего от бешенства животного оставить сохнуть на воздухе, то при этом высыхании яд терит свою заразительность. Получается ослабление яда. С помощью такого ослабленного яда при впрыскивании больному животному сообщается иммунитет.

За первые десять лет, с 1885 г. во Франции были спасены таким образом свыше 20 тыс. чел. Смертей было только пять на тысячу. Прививки производились в Пастеровском институте в Париже.

Самое главное отделение этого института занято прививками против бешенства и приготовлением сыворотки. Ежедневно отделение пропускает свыше ста человек. Институт получил мировое значение и мировую известность. Во главе отделения морфологической бактериологии (наука, изучающая естественную историю микробов) стоял одно время русский ученый, с мировым именем — профессор Мечников. Пастеровский институт, борясь с заразными болезнями путем прививок, поставил на правильные рельсы борьбу с эпидемиями и эпидемическими заболеваниями. Это он дал толчок обращать внимание на среду, окружающую больного, на воздух, пищу, одежду и т. п. Это были зачатки профилактики, широко применяемой нашей советской медициной.

Пастер умер 28 сентября 1895 г. в Вилленеф-Летан, близ Парижа, умер в ореоле славы,

дав в руки человечества могучее оружие для борьбы против заразных заболеваний.

* * *

У нас в Ленинграде есть свой Пастеровский институт. Институт экспериментальной медицины. На Лопухинской улице вы входите в большие ворота. Около ворот — клетка. Через ворота — ход для людей, через клетку — для четвероногих пациентов. Внутри за оградой — десяток с лишним корпусов лаборатории, приемные покои, всевозможные научные и исследовательские станции, помещения для больных животных.

Здесь люди в белых халатах просто, с ободряющей улыбкой возвращают жизнь приговоренным к смерти людям. Возвращают жизнь уколом шприца. В узком коридоре с утра перебивают сотня-две людей, покушенных и поцарапанных животными. Нервные, задумчивые, с перевязками, они полушопотом рассказывают „как их ку-сала“... собака, кошка, лошадь.

Люди в белых халатах внимательно расспрашивают обо всем, о всех подробностях укуса, о перенесенных раньше болезнях, записывают в книгу. Просят, если можно, доставить животное живым или мертвым. Это нужно для исследования, чтобы убедиться в бешенстве животного. Пока же ничего неизвестно... — „пожалуйста на укол“. Мужчины — налево, женщины — направо. Врач, тщательно продезинфицировав шприц, собирает в складку кожу на животе пациента.

— Готово! Приходите завтра. Раз-два в неделю надо париться в бане. Ни глотка спиртного, водки, вина и пива. Следующий!

Самый маленький глоток алкоголя парализует действие противоядия, и освобожденный яд бешенства начинает развиваться со страшной силой.

Серьезно укушенные и явившиеся не сразу после укуса отделяются. Лечение их сложнее, тяжелее, но... не безнадежнее. Умирают только те, кто пришел спустя месяц-два после укуса. Для тех спасения нет!

В прежнее время на всю Россию был только один Петербургский институт экспериментальной медицины, да в 4—5 городах были разбросаны бактериологические станции. И все! Ехать за сотни и больше верст было трудно. И люди гибли.

Теперь сеть прививочных пунктов раскинута по всему Союзу. И везде, где люди в белых халатах со шприцами в руках спасают жизнь человека, везде вы увидите портрет ученого с серьезным строгим лицом, с небольшой бородкой и добрыми глазами — портрет Луи Пастера.

Вокруг Света № 32—33 20 ноября 1931 г.

ЖУРНАЛ СЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ И ОТКРЫТИЙ
Орган ЦК и Ленобкома ВЛКСМ • Издательство „Молодая гвардия“.
Адрес редакции: Ленинград, пр. 25 Октября, 28.

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

В. Санчов — Путь на восток. Ю. Марк — Город в тундре.
Гришечкин — Свирь укрощена. Е. Лаганский — Сквозь тучи.
Б. Тарасенко — Взрыв моста. А. Беляев — Земля горит (продолжение). Ю. Гeko — Без крыльев. А. Северов — Путь в Радотину. Е. Фортунато — Святой мошенник.

ПУТЬ НА ВОСТОК

В. Санчов

Рис. И. Ед

„Газета „Курьер Виленский“ сообщает, что около деревень Венеры и Торгуны через польско-советскую границу переходят многочисленные группы квалифицированных и неквалифицированных рабочих из Польши с семьями, лошадьми и т. д. В ночь на 22 августа польская полиция захватила группу беженцев. Польские солдаты открыли огонь из пулемета, причем убили трех человек и арестовали 15, из которых трое были ранены. Остальные разбежались. Беженцы были также задержаны польскими пограничниками в районе Долгинона, в окрестностях деревни Мильше и в других районах“.

(Из газет.)

I

Пан Стодола, владелец пекарни „Рекорд“, заявил своим рабочим:

— Слушайте, с завтрашнего дня я принужден вам снизить плату наполовину. Дела плохи, вы сами знаете. И кроме того шестерым я сегодня расчит дам. В Ковеле стали мало есть. Не могу выдержать такого падения спроса. Я разочарен... — Пан Стодола сделал паузу и добавил: — Мне очень жаль... но если кто не согласен на снижение платы — скатертью дорожа, пусть себе ищет другого хозяина... Вот в России, — ехидно закончил он, — говорят, нужны рабочие... Я перебраться не буду...

Рабочие молча выслушали заявление пана Стодола и, когда он повернулся к ним спиной и скрылся в двери, ведущей в магазин, они так же молча привалились за работу.

Они были подготовлены к такому заявлению и ждали его с часа на час. В пекарнях „Прогресс“ и „Конкордия“ еще на прошлой неделе половину рабочих выбросили на улицу, а пан Зильберштейн вчера вовсе закрыл свою пекарню и бежал в Варшаву. Действительно в Ковеле стали меньше есть, и пекарням трудно стало сбывать свою продукцию.

Рабочие молчали, потому что говорить было бесполезно. Каждый думал про себя и мысленно решал задачу:

„Кому сегодня дадут расчит? Не мне ли? Не в последний ли раз мешу я здесь тесто?“ — и от этой мысли даже в жаркой пекарне морозная дрожь пробегала по телу, а на лбу выступали крупные бусинки пота.

Что касается Тадеуша Липинского, то он давно уже решил, что, если лишится работы, он двинется на восток, за линию пограничной охраны, в страну пятилетки, где, по слухам, которые, несмотря на все цензурные рогатки, проникли и в Ковель, не было безработных. Он поделился со Стасем своими планами, и тот всецело их разделял и готов был вместе с приятелем искать работу за восточной границей. Он хотел даже итти не один, а захватить младшего брата Казимира и невесту.

Но, хотя план перехода границы СССР давно уже был составлен и обдуман, Тадеушу и Стасю казалось, что им никогда не придется его осуществить, что кризис, выбросивший миллионы пролетариев за ворота фабрик, заводов и мастерских, прондет как-то мимо них, не заденет и не заставит покинуть тихий Ковель.

Вечером, когда пан Стодола прекратил торговлю и запер булочную, пришла на работу ночная смена. Хозяин булочной собрал всех рабочих и заявил:

— Итак, как я говорил утром, плата уменьшасяется наполовину. Кто не согласен работать на новых условиях — пусть убирается...

Рабочие понуро молчали, исполбоя глядя на хозяина. Выдержав паузу, пан Стодола продолжал:

— Шестерых мне придется расчитать. Мне вас очень жаль, я знаю, что работы сейчас нигде не найдешь, поэтому я ре-

шил уволить тех, кто не обременен большой семьей и кое-как сможет перебиться. Сейчас могут получить расчит Грубек Станислав, Липинский Тадеуш, Яговицкий Мартин, Януш, Штрибек и Войтицкий...

II

Тадеуш и Стась вышли из пекарни вместе. Они жили в противоположных концах города, но пошли прямо к железнодорожному полотну, чтобы в поле, подальше от человеческих ушей и глаз, поговорить о планах на будущее.

У семафора Тадеуш нарушил молчание:

— Ну?

В этом односложном вопросе Стась понял все мысли приятеля.

— Да, — медленно, точно подбирая слова, тихо отозвался Стась. — Пан Стодола прав. Здесь нам работы не найти... И вообще в Польше жить теперь невозможно...

— Значит?

— Да, — кивнул головой Стась, — надо двигаться...

— На восток? — нерешительно спросил Липинский.

Стась быстро сжал руку Тадеуша.

— Конечно! Ты трусишь?

— Нет! — покачал головой Тадеуш. — Но, говорят, это очень трудно.

— Пустяки! Мне один человек рассказывал: крестьяне на границе помогут. Они знают, где стоят кордоны.

— Ну, а если мы напоремся на красноармейцев?

— Этого нам только и надо... Тогда дело в шляпе.

— А назад не отправят?

— Нет, зачем же отправлять назад? — покачал головой Стась. — Вот отец Ядзи Дзевульской — ты ее знаешь? — уже два месяца там. На днях письмо пришло. Он получил работу где-то на постройке новой фабрики. А Генрих Янчевский? Он

еще раньше через границу перебрался и сейчас работает на элеваторе. Наших там уже очень много. И мы там не пропадем: было бы желание работать.

III

Ночной поезд на восток был переполнен. Среди пассажиров в последнем вагоне ехала группа из четырех человек: трое парней и девушка. Это были Липинский, Стась Грубек, его брат Казимир и невеста Стась — Михалина Стышко.

Ранним утром на глухом полустанке Липинский и его спутники сошли с поезда. У Стась был разработан план перехода границы и был записан адрес крестьянина из ближайшей к полустанку деревни. При помощи этого крестьянина некоторые ковельчане уже перешли границу.

Никого не спрашивая, чтобы не возбудить подозрений, четверо беженцев направились по проселочной дороге. Через час они достигли деревни и остановились у придорожного креста. Оставив всех здесь, Стась один вошел в деревню и разыскал крестьянина, к которому у него была записка с тремя крестами.

Лысолобый старик с клочком рыжеватой седой пакли вместо бороды, прочитав записку, сказал:

— Сколько вас?

— Четверо, — ответил Стась.

— Детей нет?

— Нет, все — взрослые.

— Это хорошо, — одобительно крикнул крестьянин и, мгновение подумав, добавил: — Приведи сюда остальных. У меня заночуете, а завтра в ночь можно и ехать. Не одни поедете, — целая партия подобралась, с лошадьми и телегами.

Стась вернулся к придорожному кресту и повел своих спутников огородами к халупе лысолобого крестьянина. Там уже сидело четверо горожан; по изможденным, худосочным лицам их можно было прочесть всю историю кризиса, безработицы, голода, напрасных поисков работы, и только в глазах еще теплилась искорка надежды. Это были двое варшавских рабочих колбасного завода с женами. Они, как Стась и Тадеуш, собирались перейти восточную границу, чтобы в стране пятилетки найти работу и хлеб. Четвертый день ждали они у лысолобого крестьянина, пока соберется партия беженцев, чтобы сообща перейти границу.

Тадеуш разговорился с одним из рабочих, но вдруг в халупу вбежала маленькая девочка и шепнула что-то на ухо лысолобому. Тот быстро вскочил с лавки, на которой сидел со Стасем, и сказал своим гостям:

— Идите за мной. В деревню пришел жандарм. Надо вас спрятать.

Старик повел всех беженцев в коровник. Там он быстро разгреб подстилку, приподнял половицу и скомандовал:

— Ну, живо ползайте и сидите смирно, пока не приду за вами.

Когда беглецы спустились в подполье, он опустил две половицы и забросал сверху соломой и навозом.

В подпольи было тесно, душно и сыро. Стоять было нельзя, приходилось сидеть, да и то согнувшись в три погибели и вплотную прижавшись друг к другу. Острый локоть жены одного из варшавских рабочих упирался в спину Тадеуша, сверля его точно штыком. Каждый раз, когда он пытался отодвинуться, он ударялся лицом о круглое колено Михалины. В темноте все молчало, и только громкое дыхание да изредка вырывавшиеся вздохи свидетельствовали о том, что в подпольи сидят живые люди.

Время тянулось удивительно медленно,

так как уснуть в этой дыре из-за тесноты и волнения никто не мог. Кроме того и голод давал себя знать. Беженцы चुток прислушивались к доходившим снаружи звукам. Они слышали отдаленный гул тархтевшей телеги, близкое хрюканье свиньи и заглушенный собачий лай. Наконец мычание, раздавшееся откуда то сверху, дало беженцам понять, что коров уже пригнали с пастбища. По этому мычанию можно было определить время: либо полдень, либо вечер. В коровнике раздались человеческие шаги и кто-то стал ворошить подстилку. Половицы поднялись, тусклый свет прикрытого рукой фонаря проник в подполье, и голос лысолобого произнес:

— Ну, вылезайте по одному, по одному...

На дворе был вечер. В халупе старик рассказал:

— В деревню приехал жандарм. Он и почевать остался. Пришлось вас весь день в подпольи держать. Сейчас закушите и идите в овин спать, а с утра, если жандарм не уедет, придется вам снова день в подпольи провести. Это будет последний день. Завтра ночью вас перевезут. Так что уже потерпите напоследки...

В овине было прохладно, но зато просторно и мягко, и измучившиеся в подпольи беженцы быстро заснули. Только Тадеуш и один из варшавян долго беседовали шепотом в уголке. Из этого разговора Тадеуш узнал, что собеседника зовут Игнатием Холимским, что он уже второй год без работы, так как год отсидел в тюрьме за участие в забастовке, и хозяева колбасных производств считали его не то комсомольцем, не то коммунистом.

IV

Утром крестьянин снова посадил своих гостей в подполье, снабдив их краюхой хлеба. Второй день они провели в этой сырой, тесной и темной яме, но на этот раз пребывание в ней было еще мучительней, так как все с нетерпением ждали вечера.

Михалина шепнула Стасю:

— Помнишь, как немцы обстреливали Ковель? Все тогда попряталось в подвалы... Но тогда куда лучше было...

К хлебу никто не притронулся. От недостатка свежего воздуха в яме была страшная духота; у всех кружились головы, а женщины несколько раз лишились сознания.

Только мысль о том, что в эту ночь все кончится и, перейдя границу, они останутся за собой и голод, и муку, и страхи, придавала силу задыхающимся под коровником людям.

Наконец пришел старик и, как вчера, по одиночке выпустил всех наружу. Михалину пришлось вытаскивать из ямы: ноги у нее одеревятели, а от сильного кровотечения из носа она совсем обесилела. Когда ее вытащили из подполья, она упала на подстилку в коровнике и не могла встать. Но жалеть, пока она придет в себя, нельзя было. Лысолобый торопил, да и сами беженцы торопились поскорее перешагнуть границу. Стась с Тадеушем подняли Михалину и понесли ее.

Старик огородами и пустырями повел беженцев к лесу. На опушке уже стояли три телеги с беженцами. Двое мужчин молча сошли с задней телеги и уступили свое место Михалине. Женщины на телеге помогли ей удобнее устроиться. Жены варшавских рабочих тоже поместились на передках.

К лысолобому подошел возница передней телеги.

— Вот, Шимон, — шепнул ему старик. — Возьмешь и этих восьмерых. Они тебе по пять золотых с головы заплатят... — а зате, пов рнувшись к Стасю и Холимскому, сказал: — Ну, давайте рассчитываться. По пять золотых вы отдадите этому, — он кивнул на Шимона, — а по пять золотых гоните сюда, — он стукнул пальцами в свою ладонь.

Беженцы выложили деньги. Получив их, старик снял шапку:

— Ну, счастливо, желаю вам всего!.. А ты, одноглазый чорт, — крикнул он ударившему по лошади Шимону, — гляди, не зарежь коней!..

Лошади тронулись, и три телеги гуськом погнулись по узкой тропинке. Женщины, несколько детей и человек пять мужчин сидели на телегах, остальные шли рядом. Руководил переправой одноглазый Шимон. Он передал вожжи и кнут одному из беженцев, а сам пошел вперед, показывая дорогу и высматривая, нет ли впереди заставы.

Беженцы хранили глубокое молчание, хорошо смазанные колеса телег не скрипели, и только хлюпанье лошадиных копыт по лужам да хруст поп давшего под колеса хвороса нарушали тишину ночи.

— Вот он, путь на восток! — шептал про себя Тадеуш. — Путь к работе, к жизни... Путь на восток...

Ночь была темная. Месяц тускло освещал отдаленные поля. Беженцы, скрытые тенью, падающей от леса, двигались в полнейшем мраке. Вдруг лес как-то сразу кончился, точно оборвалась длинная черная лента, и передняя телега оказалась на открытом месте.

И в ту же минуту откуда-то сбоку и спереди раздался голоса, звон металла и грубые окрики:

— Стой! стой!

Из-под лошадиной морды вынырнул одноглазый Шимон и кинулся к лесу, крикнув беженцам:

— Нарвались! Спасайся кто может!

Несколько человек бросились в тень, и Тадеуш, увлекаемый ими, побежал назад. Он бежал, не отдавая себе отчета в происходящем, бежал потому, что бежали другие, и слышал за своей спиной крики, плач детей и хрип лошадей.

Вдруг откуда-то сбоку застрочил пулемет.

— Так-так-так...

Бежавший впереди Тадеуша Казимир нелепо взмахнул руками и неуклюже пахнулся в лужу.

Сзади, с телег, донеслись душераздирающие вопли.

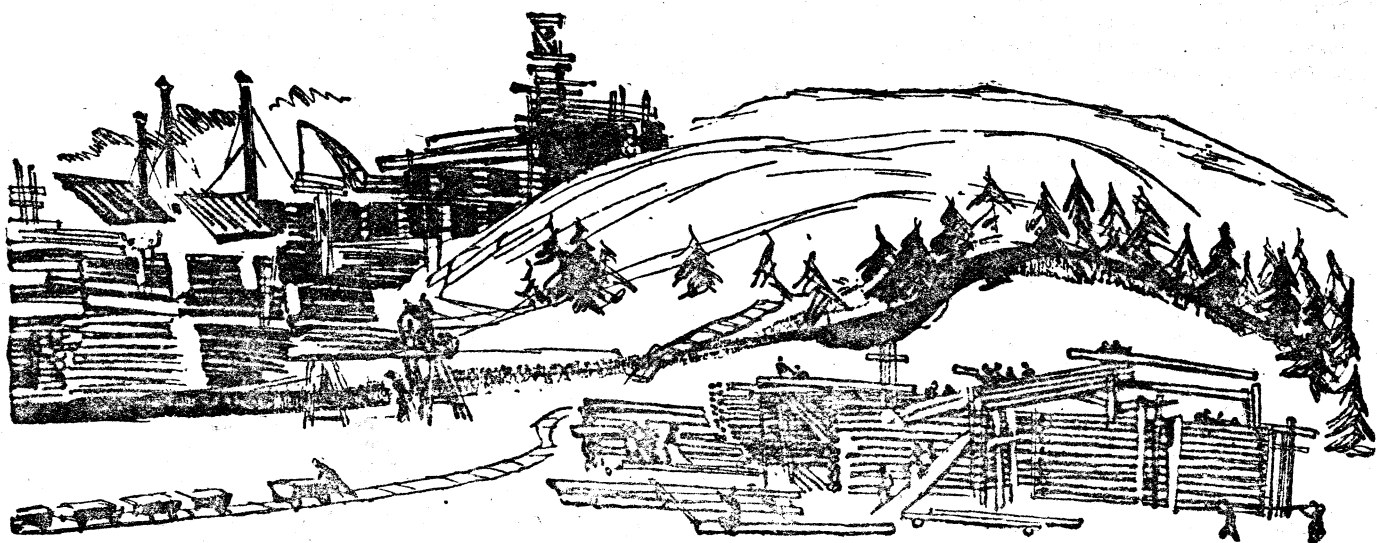
Эти крики заставили Тадеуша ускорить бег. Он инстинктивно сделал прыжок в сторону, чтобы скрыться в тени леса, но внезапно ощутил ожог на затылке и схватился рукой за голову.

С губ его сорвался хриплый стон, в мозгу пролилась, как на кинематографическом экране, надпись: "Путь на восток!..." — и кровь струей хлынула из горла. Лес вдруг закачался, запылся и поплыл в его глазах. Тадеушу стало жутко и душно. Он рванул ворот своей рубашки и медленно стал падать.

V

Рядом и толстоносый капрал, приложив руку к козырьку своей фуражки с четырехугольным верхом, рапортовал офицеру:

— При попытке перехода границы у деревни Торгуны наши й заставой пулеметным огнем рассеяна партия беженцев. Убито трое, здержано пятнадцать человек, остальные бежали. В числе задержанных несколько раненых. У нас потерь нет...

ГОРОД В ТУНДРЕ

Ю. Марк

Рис. В. Рождественского

Большой Вуд-Явр в переводе с лопарского языка означает Снежное озеро, а в переводе на язык социалистического строительства — Хибиногорск. Город Хибиногорск, первый дом в котором построен 1 мая 1930 г.

Несмотря на то, что город не вышел еще из младенческого возраста, имеются все основания опасаться, что через несколько лет он во многом перегонит стариков Москву и Ленинград. Город молод, и в этом его сила.

В нем есть уже десятки улиц и переулков, есть аллеи, парки, широкие площади и тенистые проспекты. В нем есть несколько заводов, фабрик, стадион и красивые удобные здания. Если, например, с проспекта Ферсмана свернуть на Нефелиновую улицу, то налево вы увидите сплошь остекленный вокзал, а за ним, на берегу озера, разукрашенное флагами здание гребной станции и ят-клуба. Ровная, гудронированная дорога выведет вас сквозь зеленеющие пригороды к железнодорожному пути, продолженному к Горному поселку. Если пойдете вы по дороге к долине Гремящего вхо, будьте осторожны. Автобусы и автомобили остерогаются здесь впергонку с ветром, необходимо уступать им дорогу. И вообще точно соблюдайте правила передвижения, которые можно прочесть на любом перекрестке. Рельсы трамвая переходите не мешкая, старайтесь держаться по дальше от линий перелачи тока, не топчите молодой поросли крыжевника и смородины, раскиснувших вдоль дороги, и будьте внимательны, перебираясь по камням через мелкую, но очень бурливую и холодную речушку Юкспароки. Свернув направо, вы через 15 — 20 минут дойдете до санатория для легочных больных. Он стоит на вершине поросшего ельником холма и издали похож на исполнинский граненый стакан, перевернутый вверх дном.

Санаторий выстроен почти сплошь из стекла, санаторий насквозь пропитан солнцем. Он застеклен особым не бьющимся, так называемым увиолевым стеклом, выплавленным из нефелитовой шихты, стеклом, которое в значительном количестве пропускает ультрафиолетовые

лучи, эти подлинные „лучи жизни“. Все, начиная с фундамента и кончая, увенчанной двухлучевой антенной, крышей, построено в нем из местного материала. Стекло, различные породы камня, алюминий, железо, цемент, известка, краски, эмаль, керамическая лепка на стенах и карнизах, — все это местного происхождения и изготовления. Парк санатория не уступит по красоте гатчинскому Приорату. В глубине парка высятся теплицы и оранжереи, оборудованные И. Г. Эхфельдом. В них вы найдете все, исключая разве орхидей и пальм. Неподдалеку от теплиц есть проточное озеро, в котором водится форель. Если вы захватите с собой и удочку со спиннингом, то...

Да! Маленькая оговорка. Указания эти — для туристов, думающих посетить Хибины в 33 — 34 году. Для товарищей же, собирающихся туда в тридцать первом, другие советы, иные сведения. В них, в этих сведениях и советах история будет обогнать действительность, даже смешаются то и другое.

Но в этом не моя вина, — город молод, силен и перерастает сам себя на полном рабочем ходу.

Дядя Вишня

Плотник Вишняков, или дядя Вишня, как запросто зовет его молодежь, сидит верхом на домовом срубе. Перед взором дяди Вишни город как на ладони — покрытый тепляком корпус обогатительной фабрики, поближе — электростанция, точки стандартных домов и между ними — рубленое здание треста. Сидя на срубе, дядя Вишня прекрасно может обозревать Хибиногорск со технической столовой, прилепившейся к обрыву над Белой, до лавки ЗРК, от каменоломень Вудяв орра до узкой дороги на станцию Нефелины. Но дядя Вишня менее всего склонен любоваться развернувшейся перед ним панорамой. Он скинул свою шапку-ушанку и, рукавом утирая выступивший на лбу пот, вглядывается в группу копошащихся у сруба рабочих. Вид у дяди Вишни нахмуренный, злой, того и гляди ринется он вниз, чтобы навести среди ребят порядок. Но от вершины до основания

сруба добрых шесть метров, и дядя Вишня ограничивается тем, что нагибается слегка и орет во всю силу легких:

— Эй! Бревна подавай, лещачь сила! Материал подавай, прогульщики-и-и... Навались, чтоб мокро стало! Подавай материал. Ну-у! Дружно-о! Раз-два! Раз-два!

Внизу рабочие, разом взявшись за бревно, по команде „рвут“. Колыхаясь, бревно всплывает на леса. Через несколько минут оно лежит уже рядом с дядей Вишней.

Дядя Вишня — ударник, такой же как каменщик Румянцев, плотник Рястус, бетонщик Шени, землекоп Смирнов, штукатур Чудаков и многие другие. Они похожи друг на друга; делать портретную зарисовку одного из них значит рисовать артели, бригады, рисовать всех передовых рабочих Хибиногорска. Есть и такие, которые на стройке чувствуют себя людьми случайными, смотрят на стройку как на дойную корову. Их не много, но они есть. Один из таких — каменщик Евсеев.

Меры воздействия на Евсеевых — товарищеские суды, изгнание из ударных бригад, черная касса. Последняя страшит Евсеевых больше всего.

От черной кассы до красной доски

За примерами ходить недалеко, примеры на каждом шагу. Землекоп Иванов однажды запил. Неведомо откуда достал он водку (в продаже спиртных напитков в Хибиногорске нет), гулянул с приятелями и, как это обычно бывает, на другой день не вышел на работу. С утра опохмелился как следует и не пошел на работу и на следующий день. В итоге — в рабочих ведомостях против фамилии землекопа Иванова выросло три жирных буквы „п“. По табели взыскания за три прогула Иванова могли бы уволить, но так как за спиной Иванова стояла семья так как госади Иванова были двадцать лет производственного стажа и несколько лет, проведенных на фронтах гражданской войны, землекопа не рассчитали. Ему даже не сделали выговора, не вы-

Материал подавай, прогульщики-и-и!..

звали на товарищеский суд, ему, как и всем, в назначенное число выдали расчетную книжку. Только на последнем расчетном листе ее стоял штамп — „черная касса“.

Черная касса в Хибиногорске помещается рядом с клубом в небольшой будочке, украшенной соответствующими „лозунгами“ и „плакатами“. Деньги выплачиваются из этой кассы после окончания работы. Обычно в дни получек возле клуба собирается изрядная толпа, и немногие „счастливицы“ получают свои рубли под перекрестным огнем презрительных возгласов, шуток и смеха. Написанные каракулями письма несут в колхоз весть о том, что „муженек твой получку получил в черной кассе. И сраму было не обернуться...“ Товарищи посматривают на „чернокассников“ пренебрежительно, а иногда и просто не замечают их.

Землекоп Иванов, получив расчетную книжку, долго, мучительно думал, глядя на позорный штамп. Придя с работы домой, он не показал книжки жене, как делал это обычно, а охая и кривляясь на койку. Дальше неизвестно, что делал в тот вечер Иванов. Может быть спал он, может быть пил чай, может быть бранился с женой. А может быть и советовался с нею.

Наутро Иванов явился на работу первым. Поплевав на ладони, взялся за лопату и не выпускал ее из рук до обеда. После обеда до окончания работы копал землю, ни разу даже не покурив. Ушел с работы последним.

К концу декады показатели работы Иванова превысили средние показатели артели на 8%. За вторую декаду Иванов 8% помножил еще на два. К концу месяца прораб, выступая с докладом на производственном собрании, ссылался на землекопа Иванова как на одного из лучших производителей, сознательно повышающего производительность труда. Еще через месяц газета „Хибиногорский рабочий“ вскользь упомянула об Иванове как о наилучшем ударнике, закрепившем себя на строительстве до конца пятилетки.

На собрании ударников Иванову постановили выдать ценную премию. Он тут же пожертвовал стоимость ее на

жилстроительство города. А когда спросили его, что хотел бы получить он взамен, Иванов покраснел, смутился. Большого труда стоило заставить его разговаривать. И когда выступил он, чутко насторожился зал.

— Два месяца назад, — запинаясь, начал землекоп, — был я несознательным, не понимал общей линии. Интересу у меня кроме как к себе ни к чему не было. Я прогулы делал, а за лопату что за яром брался. Но как пораздумал, что к чему, совесть загрызла меня. Ну и стал работать по совести. Теперь легче мне. А просьба моя — снимите пометку в книжке расчетной о черной кассе. Точно мне на книжку смотреть, точно не она, а я маранный.

Конечно, собрание единодушно постановило:

„Снять с расчетной книжки Иванова штамп черной кассы за выдающиеся заслуги тов. Иванова в деле соцстроительства“.

На другой день Иванов радостный пришел с выпиской из протокола собрания в цеховую контору. Книжку ему, конечно, переменили, но при этом выяснилось, что землекоп... два месяца не получал по ней жалованья. На вопрос начальника конторы, почему не брал он денег, Иванов ответил:

— А ты бы в черную пошел брать? Проработавши руками жизнь всю, пошел бы? Да я и полгода на воде просидел бы, а в черную не пошел бы. Уж лучше в рожу себе плюнуть, чем деньги получать из нее!

Не потому ли, что много Ивановых в Хибиногорске, все меньше и меньше народа получает зарплату в черной кассе? Не потому ли, что всюду в Хибиногорске Ивановы, так сказочно быстро растет город?

250 000

В середине 1930 г., когда на берегах Снежного озера темнело лишь несколько десятков брезентовых палаток да два-три дома, на Хибины приехали Томский и Шмидт. Можно даже уточнить, — это было 6 мая. Работников треста „Апатит“ пугала в те времена цифра в 100 тыс. тонн апатита, которые правительство наметило к добыче в текущем году. Работники треста указывали Томскому и Шмидту, что цифра эта феерична, что необходимо, прежде чем заняться добычей руды, построить городок, снабдить его продовольствием и всем необходимым. Томский и Шмидт выслушали работников треста, ознакомились с местными условиями и предложили добыть в 1930 г. 500 тыс. тонн апатита. И парал-

лельно построить город. Приказ правительства — не шутка. В тундру срочно переброшены были транспорт, рабочая сила, техперсонал и лучшие из лучших администраторы-выдвиженцы. На берегу Снежного озера запроектировано было построить город на 32 тыс. жителей, в городе — обогатительную фабрику, электростанцию, больницы и т. п. Пачками стали прибывать рабочие.

Утром — телеграмма:

„Завтра придут 3500 человек. Приготовьте жилье, продовольствие“.

В течение 24 — 30 часов стройка и... 3500 рабочих размещены в наскоро сколоченных бараках, шалманах и палатках. А на следующий день новая телеграмма, новые партии рабочих. И параллельно этому научно-исследовательская работа в горах, закладка рудников, транспортировка добытой руды.

Люди, привыкшие к старым спокойным темпам, сошли бы от всего этого с ума, в лучшем случае разбежались бы. Но строители Хибиногорска не спасовали перед трудностями.

Правда, 500 тыс. тонн в 1930 г. добыть не удалось, но добыли 250 тыс. вместо запроектированных вначале 100 тыс. и построили город. А в 1931 г., получив от правительства задание добыть 1 100 000 тонн, выдвинули встречный промфинплан в 1 300 000 тонн, да еще надеются превзойти эту цифру.

Молодой город

Однако вернемся к городу. Только что обмолвился я, что построили город. Он остроен вчерне, он деревянный еще.

А ты бы в черную пошел брать?..

Лишь через год-два вырастут в нем сотни каменных домов, появятся канализация и водопровод, паротопление и асфальтированные мостовые.

Но и сейчас уже, в деревянном, завьюженном Хибиногорске налицо мощные ростки нового быта. В городе нет индивидуальных кухонь, — поголовно все население обедает в столовых. В городе открыты коммунальные прачечные, починочные и пошивочные мастерские. Женщина в Хибиногорске — прежде всего работник и строитель. Мелочи быта так же далеки от нее, как и от мужчины. Даже в организации домашнего хозяйства (снабжение кипятком, дровами, уборка и т. п.) не принимает она участия. За нее это делает специальное хозяйство.

Все данные о раскрепощении женщины — налицо. В социалистическом городе Хибиногорска никогда женщина не станет к примусу или корыту.

Строительство города практически осуществляется Хибинжилстроем. Необходимые для того средства, отпускаемые Госпланом, трестом и пополняемые мобилизацией средств населения, составляют внушительную сумму — около 5 млн. руб. Этих денег достаточно, чтобы построить 36 тыс. кв. метров жилья, то есть 50 стандартных сборочно-цитовых домов по 18 комнат в каждом, 25 рубленых двухэтажных домов по 480 кв. м, 12 каменных домов с центральным отоплением и ряд необходимых культурно-бытовых учреждений — детских, яслей, клуба и т. д. Город растет не по дням, а по часам.

Хибиногорский коллектив насчитывает сейчас 25 тыс. человек. Эти 25 тыс. живут далеко не в блестящих условиях.

Дяди Вишни, Румянцевы, Ивановы, каждый на своем месте, каждый по мере сил и знаний вкладывают свою долю в дело строительства Хибиногорска. Они великолепно понимают и учитывают то значение, которое играет это строительство за полярным кругом. Они знают, что промышленный центр Хибиногорск потянет на своих плечах колонизацию края, разрешение транспортной проблемы и много других вопросов колоссальной важности. И дяди Вишни, Румянцевы и Ивановы тянутся изо всех сил, проталкивая осуществление хибинской проблемы.

Они, эти ударники, эти незаметные строители, объединившиеся в дружный коллектив, знают, что не пройдет и двух-трех лет, как:

Между Хибиногорском и Горным поселком забегают красные вагончики трамвая, неуклюжие автобусы и юркие такси. В южном конце зеркальной лагуны Снежного озера — Вуд-Явра — к морскому аэродрому ежедневно станут опускаться почтово-пассажирские гидропланы аэролинии Ленинград—Хибиногорск—Мурманск. В них будут прибывать трудящиеся, направленные со всех концов Союза в хибиногорский санаторий для легочных больных.

В Хибиногорске с его 100-тысячным населением улицы и проспекты оденутся в пышные листовые одежды. Дома разбросаются концентрическими полукругами по пологому скату холма; внизу, у берега протянут длинные тела свистящих секций обогатительной фабрики и корпусы вспомогательных заводов. Ровная гудронированная дорога протянется сквозь пригород и побегит извилисто по долинам, окантованная молодой порослью крыжевника, смородиновых и малиновых кустов.

И самое главное, — от города на берегах Снежного озера во все концы Союза потянутся вереницы товарных поездов, несущих на поля страны драгоценные апатитовые удобрения.

Все это будет. Через два-три года.

Здание управления Свирьстроя.

СВИРЬ УКРОЩЕНА

М. Гришечкин

Лес, мох, болото, местами сухое, местами вязкое, зыбкое, — вот и все, что встретишь в окрестностях Свирьстроя.

Когдамотришь на всю эту скудную природу, с трудом верится, что здесь может кипеть настоящая боевая жизнь.

Железнодорожная станция вполне обычна. Лишь вывеска с надписью „Свирьстрой“ да множество складов против станции говорят о том, что здесь строится громадная электростанция. За станцией виднеется лес. От его опушки потянулись дома. Между домами, тропинками, дорогами попадаются одинокие лиси, свидетели того, что здесь была до начала стройки лес.

Дома, — а их, пожалуй, больше, чем в соседнем со Свирьстроем городке Лодейном поле, — населены исключительно рабочими Свирьстроя.

Непрерывно, круглые сутки работает стройка. Непрерывно, круглые сутки живет городок.

Среди рабочего городка — клуб. Чистые уютные комнаты не плохо обставлены. Вечером в них оживленно. Против клуба, через железную дорогу — механические мастерские. Они были выстроены раньше всех на стройке, и стены их уже потемнели от дождей.

Сердце стройки

Арка: „Дадим ток Ленинграду в декабре 1932 года“.

У арки — часовой. Просохшее торфяное болото по одну сторону широкой прямой дороги и широкая, покрытая толстым слоем глины с другой, ничего не представляет особенного, и первый взгляд приковывают два стоящих рядом друг с другом башенных экскаватора. Ковш со стальными клыками впикивается в землю на глубине рва, потом, стрекоча роликами, быстро ползет к вершине экскаватора. Там ковш выкидывает свое содержимое и быстро опускается. Вторым ковшом скрепера, почтительно держащегося вдали от башенного, захватывает выкинутую землю и разравнивает ее по широкой площади, примыкающей к дороге. Через шлюз напротив башенного — бетонный завод. Шесть бетономешалок тоглушают грохотом. Каждые пять минут каждая из них выплевывает полтора кубометра серой массы бетона.

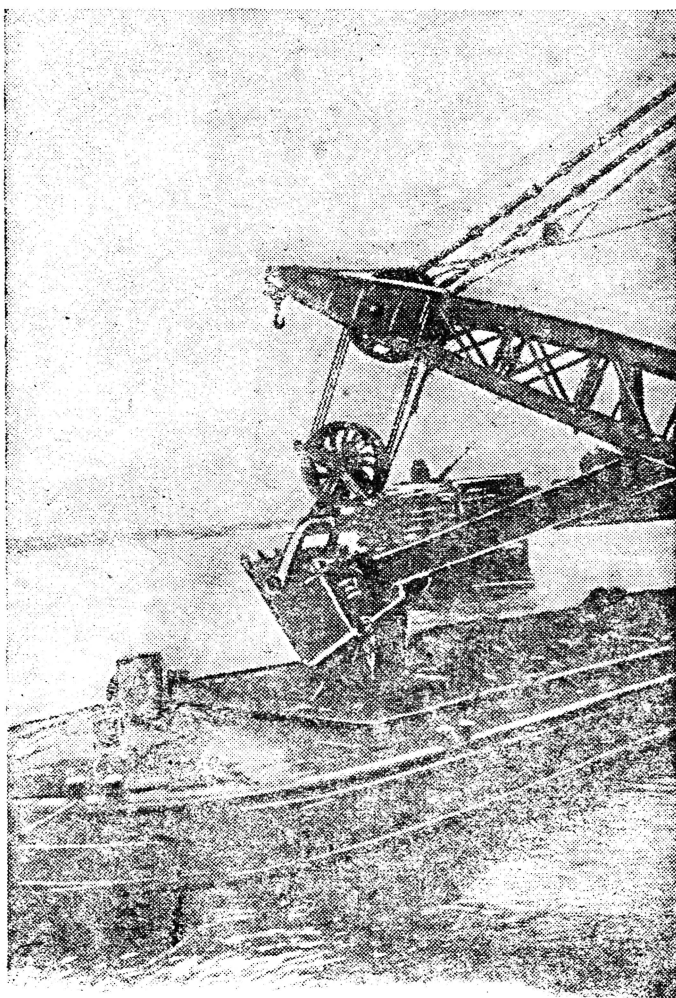
Так, где веками Свирь несла свои воды, сейчас суша. Дно реки обнажилось. Привыкшие к котловану люди ходят по нему как по тротуару. Воды как будто здесь и не бывало. Новички-рабочие, работающие месяц, другой, частенько не знают того, что здесь текла река.

Да и место уже изменилось за полтора прошедших года. Насыпные бугры и глубокие выемки чередуются в котловане. Окаменевший бетон тянется кверху. Сейчас, смотря на эти окаменевшие бетонные массивы, можно быть вполне уверенным, что скоро медный кабель передаст отсюда ток Ленинграду. Всасывающие трубы для турбин уже под ударной рубкой одной из лучших ударных бригад силовой — Муравьева. Следовательно и к монтажу турбин рукой подать. Плотина готова больше чем на половину.

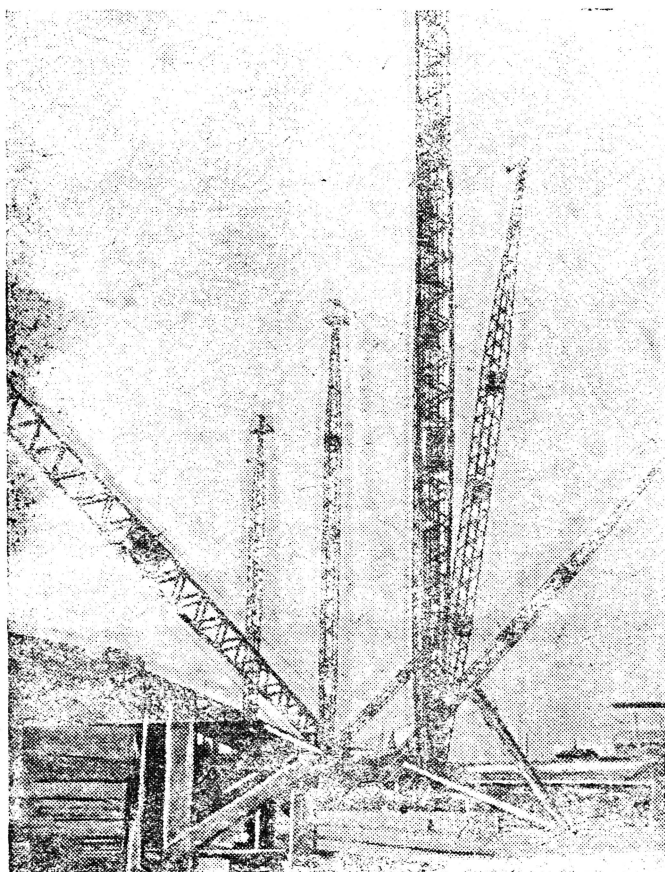
В борьбе с рекой

Там, где был лес, топорами плотников возведены дома. Где были болота — лопатами землекопов сделана насыпь, и по ней Свирьстрой нитями рельсов соединился со всем Советским Союзом. Но ведь не это — цель. Рабочий городок, железная дорога, механические мастерские — все это подсобные сооружения, они нужны для того, чтобы строить станцию и плотину, а там, где они намечены, Свирь быстро несет свои воды. Надо Свирь взять штурмом. Вот задача, и как только больше половины работ было закончено в лето двадцать девятого года, на Свири стали рубить ряжи. Привыкшие к работе на суше люди полагали, что работа на воде легкая. Они ошиблись. Первый приступ к работе показал, что нужно работать иначе, чем на суше. Работа высоко над водой, видели

только воду внизу да берега по сторонам, в ячейках ряжей (ряжи сверху по виду напоминают пчелиные соты). Далеко внизу — сияний блеск воды. Жуть берет неприятных, когда посмотрят вниз. Первые дни новички (а таких ведь вначале было немало) облегченно вздыхали, когда возвращались с работы на берег. При взмахе кувалдой, при ударе ею по нагелю створень брала плотников. „А вдруг да при неправильном взмахе полечу в воду“, думал каждый и осторожно оглядывался по сторонам. Очень часто случалось, что, боясь быть увлеченным кувалдой в воду, выпускали ее из рук, и она с глухим всплеском шла на дно. Не было дня, чтобы не уто-

Пловучая землесерпалка на Свири.

Деррики на силовой станции Свирьстрой.

пили кувалды, пока не привыкли лезть к работе на воде. Мало ль тревоги было. „Нехватает нагелей, простаиваем из-за них“ — говорили плотники. Вода уносила бревна от замешкавших плотников, журчала меж бревен, ряжей и, несмотря на укрепление толстыми канатами, сорвала однажды ряж и понесла вниз по течению.

— Должен был проходить пароход в то время, когда сорвало меня ряж, — говорит об этом случае инженер Николай, тогда еще студент — практикант, работавший по сооружению перемычек. — Ряж шел ему навстречу, что делать? Пароход „Бешенка“ был у меня под парами,

но успеет ли догнать? Дело ведь было под утро, время самое ленивое. Пока будут собираться, пароход наскочит на ряж — и все пропало. Но других средств не было, и я обратился к команде с просьбой догнать. „Вмиг догоним!“ — сказал капитан и отдал нужные распоряжения. Не прошло и пяти минут, как „Бешенка“, разрезая носом воду, отошла от ряжей и, подгоняемая течением, пустилась в погоню. Густой туман не позволял видеть вдали. Это затрудняло работу парохода, но бодрое боевое настроение команды разбивало тревогу и вселяло надежду на поимку ряжа. Больше пяти километров было позади, а ряж все не было видно. Течение несло его быстро. „Бешенка“ поддала пару. Вскоре у деревни Пиркини мы увидели перед собой ряж...

Инженер прерывает свой рассказ, и сейчас еще, несмотря на то, что после этого случая прошло два года, вздыхает так, как вздыхают школьники после сдачи экзамена.

— „Бешенка“ подходит к ряжу, описывает около него полукруг, зачаливает. Но сила течения оказалась большей, чем сила буксирного парохода. „Бешенка“ тужилась до последнего, но ряж не поддавался. Что делать? Дальнейшие потуги были бессильны. Тогда мы решили удерживать на месте и ждать помощи. Но и это было дело нелегкое. На ряж давила

вода всей силой своего течения и стремилась оторвать ряж от парохода или увлечь на своем хребте пароход вместе с ряжем. На настроение всех находящихся на „Бешенке“ эта неожиданность влияла удручающе. Советов никто не давал, будто боялись этого, и только не отрывали глаз от ряжа. Ждали какого-нибудь парохода. На наше счастье ждать пришлось не долго. Один из свирьстройских буксиров возвращался на строительство. Несказанно рады были мы, когда увидели сначала его нос, а потом и весь пароход, подошедший к нам. Расчленив между двумя пароходами, тронули мы ряж с места и пошли... Так вот делали мы перемычки, — заключил инженер.

Это — не единственный и не самый трудный из эпизодов борьбы со Свирью.

Л е д

Лед — тяжелая артиллерия Свири. Все, что попадает под ледяные массивы, которые гонит Свирь в Ладогу, гибнет. В узком протоке у перемычки проход льдам труден. Поэтому наступление весны несло строителям тревогу. В тридцатом году проход льда был благополучен. Толстые льды тридцать первого года обеспокоили всех не на шутку. „Все бы ничего, лишь бы только лед не сорвал работ“, — все чаще и чаще, по мере приближения теплых дней, слышались такого рода разговоры на стройке. Как и всегда бывает в таких случаях, нашлись люди, которые растерялись. „Придется затопить котлован“, — сказал кто-то из инженеров на каком-то совещании. Эта мысль, может быть оброненная случайно, необдуманно сказанная, удивительно быстро стала достоянием большинства людей.

— Голова прямо-таки кругом идет. Как это можно затопить котлован? На котлован положено столько труда! Я думаю, во что бы то ни стало отстоять надо, — говорил в цеховом комитете плотины тов. Хомчин, кузнец, один из лучших ударников.

Первой задачей в подготовке к ледоходу было укрепить перемычки. Пять с лишним тысяч кубометров песку потребовалось для этого. Ударно работали бригады землекопов плотины — Инякина, Андреева. Чем ближе был ледоход, тем больше воды просачивалось сквозь перемычки и вымывался из них песок. Провалы один за другим возникали в перемычках. Но провалы ликвидировались так же быстро, как возникали.

Фильтрация воды сквозь толщу перемычки усилилась в десять раз. Слесари водоотливов организуют добровольное дежурство во внеурочное время. На ходу исправляют они насосы и, разбившись по десятку, работают каждую ночь не смыкая глаз. В полевых дежурках то и дело трещит телефон.

„Засосало сосун“, — хрипит трубка. То, что говорят с водоотлива, трудно разогреть за шумом мотора.

Бригадир Михайлов еле разбирает слова. Он несколько раз переспрашивает.

— Что? Опять засосало? — почти кричит он в трубку. Наконец все выясняется. Михайлов берет двух слесарей и идет на водоотливы. Зевота разрывает рот. Он усиленно трет глаза, вытягивает вверх руки. Вторая ночь без сна. Тяжело. Но от работы водоотливов зависит перемычка. Если они откажут в работе, вода хлынет в котлован, зальет все, что создано долгим тяжелым трудом, зальет деррики, моторы и надолго остановит кипучую жизнь котлована.

Нет, этого допустить нельзя. Надо бороться до последнего. Это сознает бригадир Михайлов, сознают и слесари, широкими тяжелыми шагами идущие по промерзлой земле.

— Надо корзинки на сосуны надеть, — предлагает молодой инженер Наумов. Он звонит куда-то, но не может дозвониться. Два добровольца-ударника берут от него записку, идут в коммунальный отдел и кооперацию искать корзинки. Ночь темная, поселок спит; двое това-

рищей-машинистов дерриков идут на квартиры тех, кто может дать корзинки. Но вода не жлет корзин. Она проникает в ряжи, выносит в себе много песчинок из ряжей, забивает им сосуны насосов. Вот-вот станут водоотливы. Надо скорее что-то предпринимать.

На перемычке старший прораб плотины, инженер Кауше. Он шагает, идет по песчаному полотну, ищет провал. Инженер Кауше говорит спокойным голосом:

— Подсыпьте здесь, — указывает он десятинику и проходит дальше. Спускается по лестнице на плот, привязанный к шпунтам, разглядывает рейку, показывающую уровень воды, подымается и идет к водоотливу, на котором только что засосало сосуны.

— Обложить fascинами, — тем же спокойным голосом отдает он распоряжение.

Пять человек добровольцев-ударников притаскивают fascины и укладывают их около сосунов. Сосуны стали работать исправнее.

— Ну, сейчас все в порядке, — радостно улыбаются слесари. — Моторы и насосы не сдадут.

С надеждой смотрят они на моторы. Всю ночь лед широкими пластами простоял недалеко от перемычки.

Добровольцы-ударники то и дело выходят на перемычку, смотря на лед.

Лишь после полудня назавтра стала прибывать вода. Вот она залила остров, прижавшийся к верхней перемычке, снесла с него сарайчик. С реки подул холодный ледяной ветер.

— Сейчас пойдет, — говорит тов. Бидин. Он подходит к самым шпунтам, вглядывается вдаль и снова еще увереннее заявляет: — Сейчас пойдет.

Главный инженер, профессор Графтин, тоже пришел. Он спокойно посасывает трубку, отдает нужные распоряжения окружающим инженерам. Несколько провалов появилось сразу; землекопы быстро гонят перед собой тачки, наполненные песком, устраняют провалы. Вдруг вода стала спадать, оставляя на шпунтах свой след. Лед тронулся. Вот он медленно идет, приближаясь к перемычке. Потом быстрее, быстрее несется поток льда. Лдины гложут друг друга, насканивают одна на другую, трещат, разламываются, ныряют и громко стучат о шпунт.

С огромнейшей быстротой несутся они мимо перемычки, и стоящим на перемычке кажется, что не лед несется так быстро, а перемычка. Невольно на миг закрываются глаза — и опять перемычка стоит, а лед несется мимо. И когда последние лдины стали снежинками в глазах смотрящих им вслед, все вздохнуло облегченно.

— Лед прошел! — вырвалось из сотен грудей.

Свирь была укрощена.

СКВОЗЬ ТУЧИ

(Ленинград — Берлин на самолете)

Е. Лаганский

Перерисовки с фото А. Медельского

I

В кабине — четыре места, но занято только мое. Душно. В опущенное окно торвался вихрь вместе с оглушительным рывком пропеллера и мотора. Ушная вата „оронакс“, долженствующая, по мысли изобретателя и Дерулюфта, заглушать звуки пропеллера и облегчать мирную беседу пассажиров в кабине, вероятно и сама страдает не меньше моих барабанных перепонек. О мирной беседе не может быть и речи: пропеллер победил оронакс.

Крепчает ветер. Резко дергает аппарат. Временами кажется, что самолет теряет управление и, не встречая сопротивления ветра, ныряет вниз. Но железная рука пилота приводит машину в покорность.

Как обманчив эфир! Еще полчаса назад на аэродроме воздух казался рабски покорным и неподвижным. А здесь, на высоте каких-нибудь 200—300 метров, он обнаруживает всю свою предательскую сущность. „Болтает“ не на шутку. Чудится, будто кто-то невидимый грубо поднимает игрушечный самолет на своих могучих руках, встряхивает вместе со всем живым грузом и бросает вниз, в бездну, на неподвижные острия деревьев. Иногда беспомощно падаем в бесчисленные воздушные ямы. И все же идем неуверенно вперед со средней скоростью 150—160 километров.

Выйдя у Нарвских ворот на линию бывшей Варшавской дороги, держим курс на Красное Село, отсюда — прямо к северу, на ст. Волосово и дальше — вдоль линии Батийской ж. д. на Кингисепп, уже видный слева под нависшей черной тучей. Совсем низко пролетаем тонкую черточку канавы. Это — граница с Эстонией.

Скользнула змеистая прозрачная Луга с пароходиком, барахтающимся в воде,

с неуклюжими барками. Под ярким солнцем слева легла древняя Нарва с древними шведскими готическими башнями на высоких уступах, с бурливой Нарвой, заруженной славным лесом.

От Нарвы свернули к Гунгербургу, к морю. Вот оно выпнуло в сизом тумане свою могучую спину в светлой рамке песчаного пляжа. Тысячи белоснежных дач, курзая. Дальше — лесистые вершины Удриаса и снова приутюженный песок. Взяли выше — 500 метров. Еще выше — 1000. Чем выше, тем бог самолета кажется более замедленным. Временами кажется, что парим в воздухе над неподвижной гладью моря. Теперь мы идем все время. Под нами, над нами, как ватные хлопья, как легкий пар из самоварной трубы, клбятя нежные облака, набегают, в страхе разбегаются, изорванные в клочья мощным винтом. Врезамся в самую гущу облаков. Совсем рядом, в двух шагах, величественно проплыла седая косматая грива тучи. Впились в ее легкую влажность и холодок, искромсали и развеяли по ветру. За ней — другая. Наседают, напирают со всех сторон. Стало прохладно. Пилот Иванов обернулся, жестом подозвал и крикнул в самое ухо:

— Замерз совсем, холодно. Пойду вниз..

Ровно, методично, не сбиваясь ни на полтона, победно ревет машина, глотая в бешеном беге километры. С севера и запада — безбрежная морская лазурь.

Местами сквозь застывшее стекло воды ясно видно дно морское на незначительной глубине, и лодки или барки в этих местах кажутся брошенными прямо на дощный песок. По зелени пашен и лесов к морю бегут причудливые, белесозатые, гибкие речки.

Прореза и широкий полуостров. Нарген и Вульф, словно сторожевые псы, прикрыли собою вход в Ревельскую гавань.

II

Дальше — Ревель, далекий, весь залитый солнцем, вытянувший в море длинные узкие пальцы своих пирсов и причалов, густо обросших кранами, пакгаузами и прочими портовыми сооружениями. У причальных стенок жмутся белые и черные громады судов, тонкие стрелы мачт. Дальний городок потонул в голубоватой дымке. Идем на посадку к черным кострам аэродрома. Первый этап в 360 километров благополучно завершен в два часа.

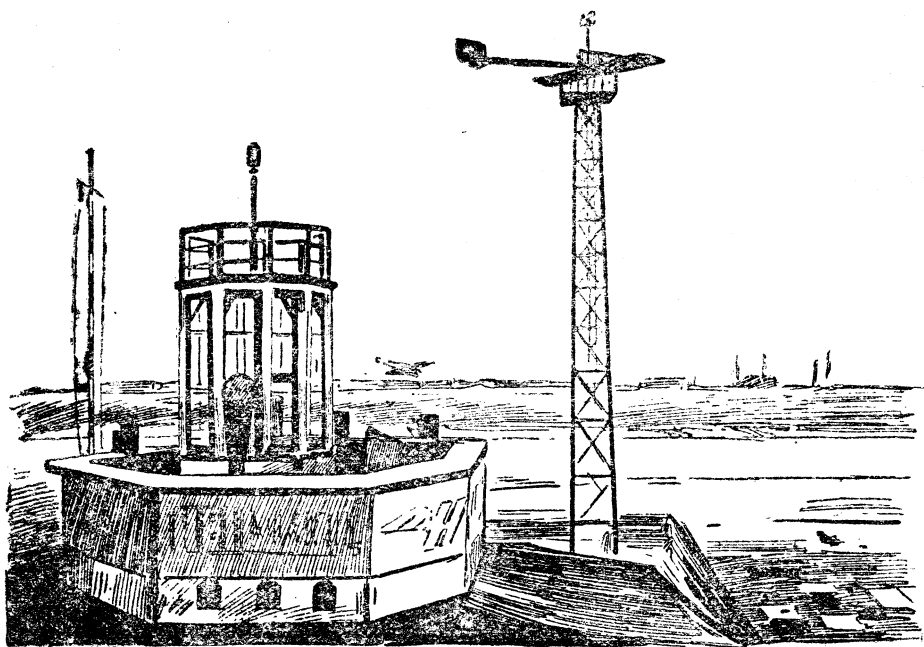
Самый город еще впереди, километрах в десяти. Если о нем судить по его аэродрому, то первое впечатление от столицы Эстонии довольно безрадостное. Дощатый барак из двух комнат, — одна под громким названием „конторы“ Дерулюфта, другая — „ресторан“, — посреди большого, но плохо оборудованного поля. Станция Дерулюфта — на пустынном аэродроме, без ангаров. Одиноким, тоже четырехместный „дорньеваль“ „Д-4-4“, с кругло-плоскими откосами шасси и парой грузовичков, приспособленных под автобусы. На земле нас приветствовал молодой, подвижной начальник воздушной гавани, готовый в лепешку разбиться за дело Дерулюфта и благо его пассажиров. Блед за ним сухопарый полицейский чин в очках, приложив руку к опереточной, шинсерой фуражке, в золотой обшивке, попросил паспорт. Я приготовился было изъясниться с ним на скверном немецком языке, но в этом не встретилось надобности, так как вокруг шла оживленная беседа на прекрасном русском языке.

Потащили в самолет почту в брезентовых мешках и несколько чемоданов. Простился с пилотом Ивановым. С ним оборвалась последняя живая связь с СССР. „Дорнье“ поведет высокий голубоглазый немец, тоже в кожаном „воздушном комбине“ с широкими карманами на коленях. Эта „воздушная прозодежда“ приобрела уже право гражданства на всех аэродромах мира и составляет одну из внешних деталей нового авиационного быта.

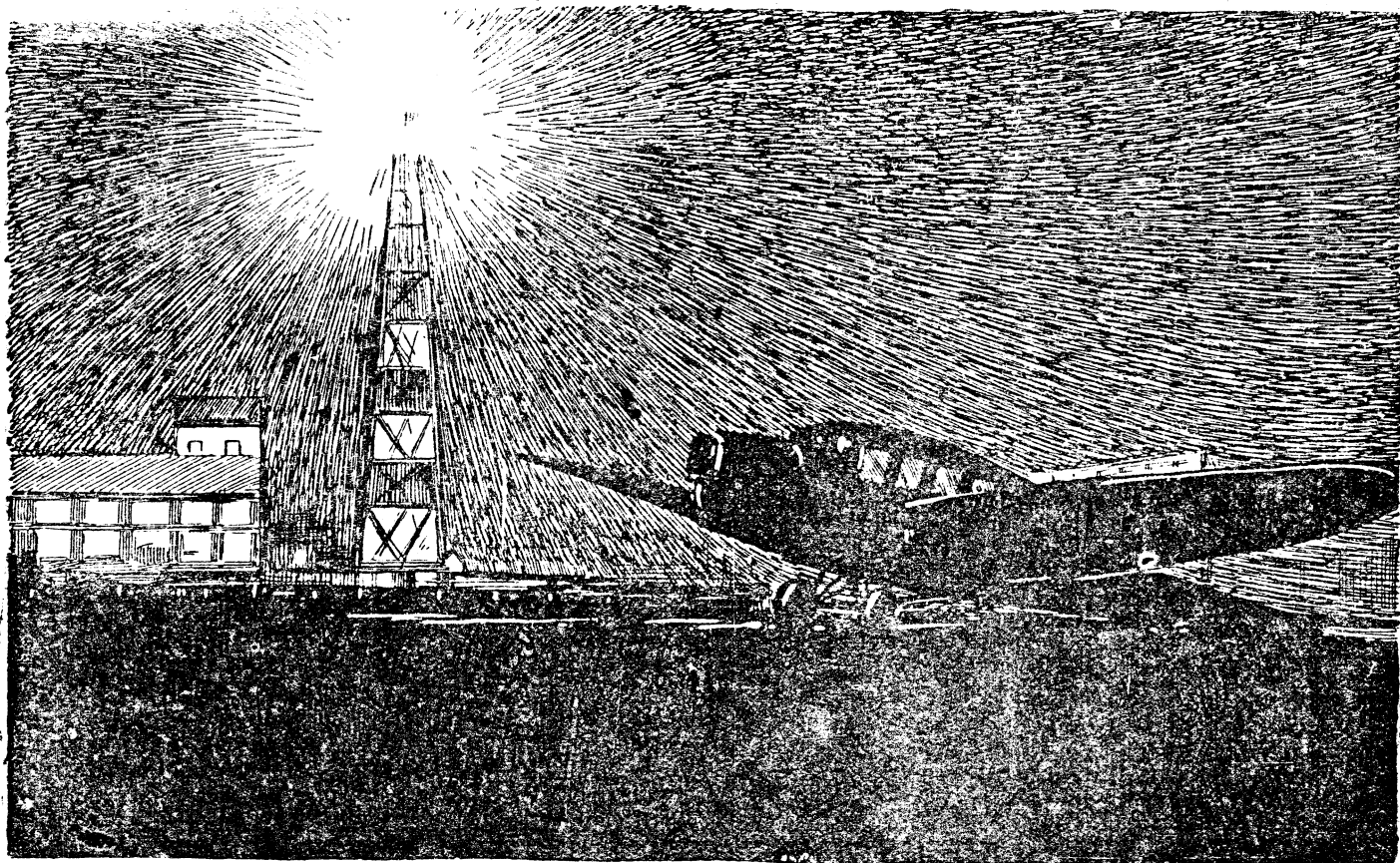
Дико заревел „Д-424“. Через узкое окошко внизу приветственно мелькнули чьи-то руки с кепками и мягкими шляпами, знакомый флажок Дерулюфта на крыше „вокзала“, с черной стилизованной птицей по синему белому полю. В кабине — нас уже трое: один сразу же удобно примостился на кресле дремать, другой уткнулся в газету, игнорируя и землю и небо.

Вылетели в 12 ч. 30 м. дня, резко свернув с курса на юг вдоль железной дороги на Пернов. Скрылось море, скрылось солнце. Свежело. Навстречу медленно, тяжело, упорно, как неизбежность, плывут грозные черные тучи, низко стелясь и клубясь, как дымовая завеса. Скрылась наконец и самая земля.

Вокруг все как бы во влажном холодно-ватом дыму. Серебристые крылья алюминиевого „дорнье“ заблестели от влаги. Пошли потки по стеклу окон. Заерзал впервые немец-пилот, ниже спуска на ушки и очки своего шлема. Заглушаемые шумом мотора, пропеллера и ветра, мирные водяные брызговы бешено бьются о самолет, претворяясь в мельчайшую водяную пудру, пар. Идем в густом грязно-сером тумане. Кроме него ничего не видно. Внезапно вырвались из этого гнетущего плена, словно из темного подвала, на солнце, на волю. Опять потеплело в кабине, опять над головой — нежно-голубая кровля, опять вдали,

Метеорологическая вышка в Темпельгофской гавани.

Посадка ночью на Темпельгофский аэродром.

справа — прозрачный, дымчатый выгиб спины Рижского залива.

Устал бороться с человеком западный ветер и ослабел, лишь изредка бросая машинку на левое крыло.

Скоро через Перновский залив вышли к широким просторам Рижского, сжатого у выхода мысом Домеснес — на юге и мысом Церель на острове Эзеле — с севера. За Иклой и Хайнашем пересекли латвийско-эстонскую границу.

Необычайно живописное зрелище! Справа — море, застывшее сверху, как улитка на устах внезапно умершего. Под ногами — чудесный, широкий, бескрайний, чуть ли не до самой Риги, пляж, изрезанный кое где капризными извивами выдающихся в море рек. Салисмюнде, Каальман, Софиенруэ, Перинге — следующие наши этапы. За ними — холмистая, кучерявая, с темной зеленью лесов знаменитая Ливонская Швейцария. До Швейцарии ей, положим, так же далеко, как и до Гималаев, но вообще действительно живописно, и главное — против этого сравнения никто из швейцарцев не протестует. Сплошным куластым лесом бежит по холмам и домам, сверкает холодной чешуей широкая Аа. По морю беспорядочно разбросаны и ползут черные жучки — пароходы, оставляя позади тончайшую нить водяного следа.

Над Салисмюнде — снова перемена декораций. Неведомо откуда над самолетом закружились низкие белые кучевые облака, сгрудились, сдвинулись плотной стеной до самого горизонта и вовсе застыли на земле. Взяли высоту, прорезали первый слой облаков, но за ним оказался другой, а потом и третий. Поднялись выше. Альтиметр показал 1500 метров. Вышли к солнцу, к безоблачной сини. А внизу все плывут и плывут легкие белые завитки, напоминающие мирно

движущееся стадо баранов или ледяные полярные поля ошак. Скоро Рига. Непостижимо, как мы будем садиться при низких облаках. И вдруг в и большой прорыв глянул кусочек зелени. Чаше пошли прорывы в облаках, расценивается, разбегается баранье стадо под ногами.

Чувствуется близость большого города. Шире пляжи и реки, оживленные берега, больше судов и экспортного леса на берегах и в воде. Пошли дачные места. А вот и величественная Двина, вдали сливающаяся с морем. Грязным обдаком на юго-западе встает Рига. Многоэтажные серо-бетонные склады и пакгаузы по реке, длинная вереница судов, словно пригвожденных к стенкам, беспомощные баржи, влекомые, как жертвы, на аркане буксиров, сотни легких белых яхт у пристаней спорт-клубов. И лес, лес и лес во всех разновидностях и положениях — плывущий, лежащий, едущий; в балках, бревнах, досках, брусках. Близко мелькнула внизу Двина, скользнула как в кино чистенькие, аккуратные улицы пригородов, рассыпался темный жгут подъездных путей. Кружим над рижским аэродромом. Сильнее и наконец садимся на его крохотное для „порядочного“ аэродрома поле с белыми опознавательными знаками на траве и неизменными дымными атрибутами костров. Почти одновременно с нами недалеко снимается латвийский военный самолет устарелого типа „фарман“. В воздухе реют еще два-три таких же. Они садятся и через минуту вновь взвиваются, играя под солнцем свирепыми знаками черного фашистского герба на белоснежных бортах фузеляжей. У летчиков на пилотских шапочках — те же значки. Впрочем, и в эстонской авиации фашистские знаки также узаконены, но с некоторым несущественным отличием в расцветке.

III

Рига — столица, и это налагает обязательства не только на мостовые, но и на весь внешний облик. А потому — шикарные витрины магазинов, великолепие и чистота парков и садов, опрятность толпы в центре, изобилие монументальных архитектурных, черных полицейских с разукрашенными золотой чешуей кэпи и золотыми же лампасами на брюках. Не меньше щеголеватых, опереточного стиля офицеров.

В отличие от финнов, „принципиально“ не разговаривающих и не отвечающих на вопросы, заданные по-русски. Рига разговаривает с вами на любом языке — латышском и русском, и на улицах, и в магазинах, и даже в учреждениях. Русских в городе — тысяч двадцать. Кто они? Купцы, безработные интеллигенты, злобствующие эмигранты и горсточка рабочих. Одни издают и пишут в белых — утренней и вечерней — „Сегодня“ о перманентных, павших в зубах „восстаниях в СССР“ и „расприх в коммунистическом лагере“, остальные читают эти бредни. Читают впрочем и „импортные“ белогвардейские газеты — „Руль“, „Последние новости“ и „Возрождение“, — аккуратно разложенные в витринах газетных киосков. Читают только потому, что советские газеты в опале, и получение их допускается лишь с особого разрешения министерства внутренних дел.

IV

Рано просыпается Рига. Первым просыпается глаза, чуть ли не на рассвете, рынок. Рядом, у гранитной стенки Западной Двины, вытянулась длинная черно-красно-белая шеренга судов. Весь западно-

европейский, африканский, американский и иные миры представлены этими стальными шловучими коробками. И тут же на площади подле судов — правильные, ровные униты, переулкы из экспортного леса, бочек, ящичков и токов. Их только что выгрузили из судов или привезли для пгрузки а через несколько часов они так же внезапно исчезнут отсюда, едывшись в темном чреве трюмов или городских складов.

К вечеру, когда замирают торговая суела и шум в тесных Известковых и Цементных улицах, жизнь переносится в другие центры, в звенящие кафе, просигаренные рестораны „Рим“ и „Малый Берман“. Таинственно-могильный покой спускается на кривые улочки и тупички старого города... Жмутся, теснятся вокруг кривые переулкы и тупички с уступчатой готикой кровель и гулким эхом редких шагов. Кладбищенская тишина! Каждый камень, каждый темный стрельчатый прорез окна — памятник седой старины, гигантский макет средневековья. Ни одного творческого звука, ни одного молодого побега сквозь гранитную толщу столетий.

Слов о геревки с виселиц, спускаются над пустыней улиц старинные подъемные крюки. С их примитивной помощью ганзейские купцы на ночь поднимали свои товары под защиту высоких чердаков. С того далекого света смотрят тяжелые кованые фонари на вытиснутых, грубо кованых железных лапах, вделанных в стену соседнего дома.

У

День этот выдался путанным — то солнечно-жарким, то пасмурно-ветряным. По пути захватили рижского представителя Дерулюфта, г. Клинкермана.

В тот день дул свирепый норд. На понтонном мосту через Западную Двину с головы срывало шляпы, а с носа очки. Но г. Клинкерман успокоил: „Для самолета страшен только туман. Ветер — пустяки“.

На аэродроме ждали приютия самолетов. Ровно в 2 ч. 30 м. они показались, оба одновременно, с двух сторон сразу: северный — ревельский и южный — московский. Последний больше и выше ревельского — шестиместный „юнкерс“. Но мне прдстоит дальнейшее путешествие, а ревельский пойдет завтра обратно. На фузеляже московской машины — табличка, будто на вагоне дальнего следования: Москва — Берлин (через Смоленск) — Ковно — Ригу — Кенигсберг и ряд цифровых данных: вес — 2835 кг, высота подъема — 4000 м, грузоподъемность — 1265 кг.

Обе машины, несмотря на резкий порывистый ветер, плавно сели против него. Мгновению к московской машине подкатили бочку с бензином, забросили наверх резиновый шланг к баку и долго полили ее через марлевый фильтр. Подъехали оставшиеся пять пассажиров.

Наш „двухдвигательный“ что-то шалит. Нам давно пора идти к старту, а он все ворчит голосом, клонящим долу пыльную траву вокруг. В этом голосе, если так можно назвать дикий, оглушительный рев мотора и свист пропеллера, озабоченные механики улавливают нечто недоступное, недостижимое для слуха несвязанных в тишине авиации. На поле свищет ветер, награвается мороз, и далеко не индустриальным пейзажем выглядит мирное коровье стадо невдалеке.

В буфете вокзала скользящие пассажиры пьют чай, едят бутерброды и играют в шахматы, то с нашим пилотом, то с таможенным чиновником. Наконец

простекавали в узком проходе между креслами, в своих мешковатых комбинезах, русский пилот и бортмеханик-немец и скрылись в своей рубке. Замерзала, забегала по тесному аэродрому баба-пастух, в панике угоняя стадо с пути самолета.

Ровно в 5 ч. 35 м. дали старт. Пассажиры удобно устраиваются в мягких откидных креслах с подушечками. В этих креслах можно принять полулежащее положение и мирно дремать. Верхние сетки кабины загружены мелким ручным багажом; крупный сдан в так называемое багажное отделение, под сиденьем пилота.

Как уверяют снравочники и проспекты, „в современных самолетах пассажиры почти не подвержены морской болезни“. Не потому ли для всякий случай в кожаных карманах на спинках кресел торчат пачки плотных пергаментных мешочков с красноречивой надписью: „Для воздушных больных“. В кренный ветер, когда „блает“, мне приходилось видеть и широкое использование на практике этих мешочков.

VI

Только оторвались от земли, как мой сосед, догрозивый немец, вскочил с места и заметался по тесному проходу кабины с громоздким фотоаппаратом в руках, направляя его то в одну, то в другое окно. На кругом выраже взлета немец кренился вместе с самолетом, стукался головой о подлокотник воздушного корабля и металлические выступы кабины, толкался и, надрываясь, кричал каждому на сажуру в ухо свои извинения, но все же не отчаивался, пока не использовал весь запас пленки.

Сейчас же за Ригой начинается громадное Титульское болото, охватившее, как мерзкий сирот, территорию почти до самой Митавы. Через 20 минут она мелькнула несколько правее древней готикой своих с бороз и кирпичными террасами крыш.

Под ног ми вновь развернулась знакомая мозаика полей — рыжих, бурых, зелено-салатных и красно-красных, причудливые змеи крив, сочные мази роц, желтые ленты геометрически правильных дорог. Над каждым клочком земли, над любой его расцветкой, видно, не мало порудился упрямый, трудолюбивый крестьянин-латыш, разбросавший в беспорядке повсюду на месте своей трудовой деятельности картонные, игрушечные сверху, дома, хутора и селенья. Так обычно на этнографических выставках и в музеях изображают, расположив на широких столах, рельеф какой-нибудь местности.

В воздухе бесомощно плывут новисли толстые, словно вспученные какой-то болезнью, черные круги колесных шин, по инерции бешено вращающиеся на лету и еще блестящие на солнце травяной влагой. С обеих сторон серебристым алюминиевым навесом повисли крылья. В ноги потянуло влажным холодком. Безжалостно режешь насквозь грязные седые пряди туч. Потом молочный туман — и снова солнце!

От Митавы к Шавлям реем над потогном железной дороги, и у Ионисшек вступаем на „воздушную территорию“ третьего по счету от Ленинграда иностранного государства — Литвы. Так как посадка здесь может быть только вынужденной, то от литовской визы транзитные пассажиры совсем освобождены. Через Литву к Тильзиту, где проходит германская граница, идем без спуска. Еще до Тильзита узнаешь Германию по оному характерному признаку — дорогам, окаймленным липовыми

Ближе к городам сельские дороги вдруг вырастают в числе и становятся оживленнее, сплетаются, расходятся, чтобы вновь крепко связаться в сложный, путанный узел городских центров, где неизменно белая или красная готическая кирка на широком, гладком блюде — площадях. Это — Германия! Справа вдруг кинулось навстречу в золотом закатном багрянце море. По совети, это еще не море. Это лишь — Куришгаф.

Балтика — там, далеко, на тонкой, как частокот, полоской Куришской косы. Текут, ползут, вытекают, стнут в гробовой неподвижности реки, ручушки, канавки, болога, каналы. Среди рек — широкий, прямой Прегель. Отчетливо видно его дно, будто в ю воду из реки вычерпали.

У дельты прижался к берегу Кенигсберг.

Плавню, спокойно, уверенно сверлим мягкие подвечерние сумерки над старым городом с глубокими каменными впадинами его дюлов среди по емевших вод; потом, лишь на одну минутку — снова окраины города и зелень топи. Сн ждем.

Часы показали 7 ч. 18 м. Значит, расстояние в 3-0 км от Риги мы проехали в 2 ч. 13 м.

Кенигсберг — уже „настоящая Европа“. Нас встречают не запросто, как в Ревеле и Риге, а целой блас ательной свной полицейских и там женных чинов. Блеск погон, ярко начищенных пуговиц и позументов! Хленье, лошенье, величаво приближаются чины по полю, к самолету и его пассажирам, на ходу отирая паспорты для досмотра и перегрузки.

Ожидание воздушное товаропассажирское сообщение породило в Девау новенькое двухэтажное каменное здание вокзала, получающее многих железнодорожных.

Направо, отельным корпусом — багажный зал, контора, мастерские. И лево — ангары, тоже солидные, каменные. На вместительной, поднятой как терраса, площадке перед зданием вокзала расселись десятки столиков.

VII

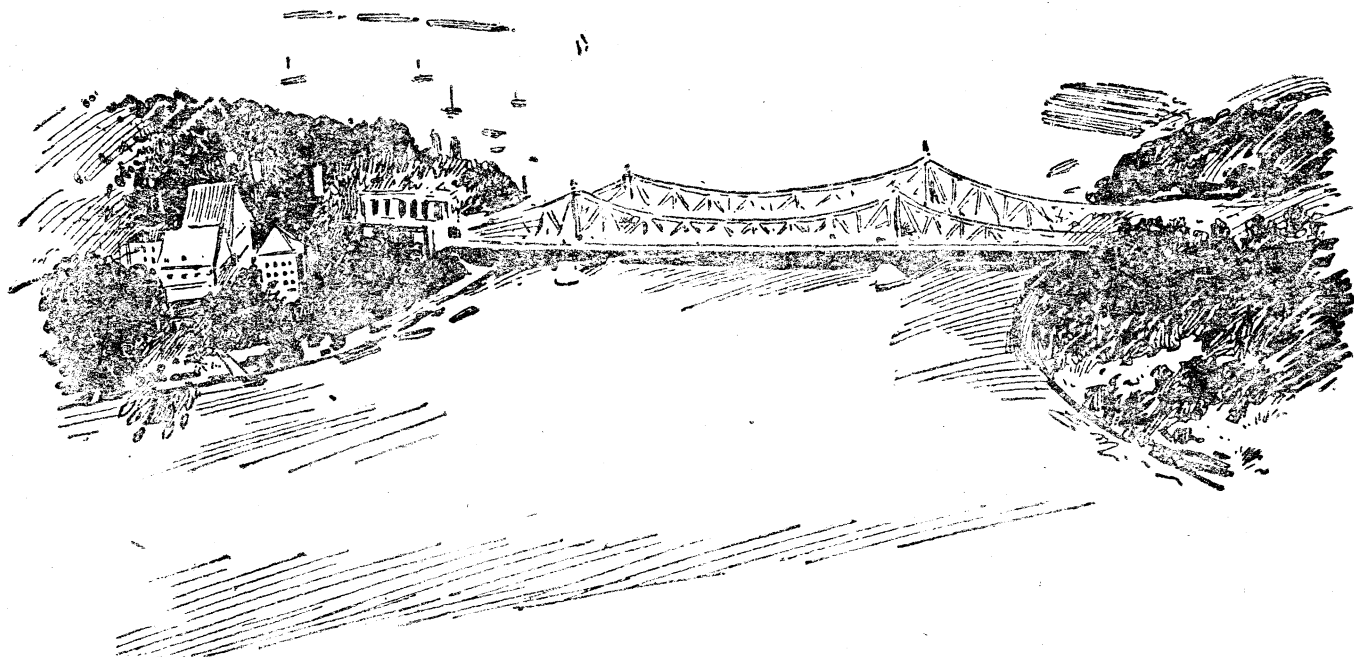
От Кенигсберга вступаем на самый яркий и захватывающий по впечатлениям участок путешествия. На этом участке соприкасаемся с живописнейшим с чещанием красок природы и новейшими завоеваниями авиации, начиная от „последнего крика“ авиамодели „Д-1092“ — до замечательного оборудования служб пути. Здесь — Германия. Здесь — гражданская авиация, совершеннейший вид транспорта, источник развития и процветания громадной отрасли промышленности, играющей далеко не последнюю роль в деле обороны обесоруженной Вельселем страны.

Линия Кенигсберг — Берлин — единственная в мире ночная пассажирская линия. Имеются впрочем и другие: Берлин — Ганновер, Нью-Йорк — Сан-Франциско. Но обе последние служат лишь для перевозки почты и грузов.

Сейчас ночные линии введены и на наших сибирских маршрутах.

Берлин — Кенигсберг обслуживают четыре высококвалифицированных „ночных“ пилота-немца, имеющих по 100 000 летных часов каждый в своем по службном списке. Линия эта с первого же дня своего существования полностью оправдала все возлагавшиеся на нее надежды, — ни одной случайности, ни одной аварии.

Мы стартуем в 8 ч. 30 м. вечера, когда сумерки уже ложатся на Девау густым сиреневым туманом. Перелет в 630 км до Берлина мы должны совершить единым духом, без промежуточной посадки.

Померания на линии Кенигсберг — Берлин.

Был теплый, тихий, ясный августовский вечер. Внезапно взревели сразу все три глотки моторов. Вспыхнула матовым блеском надпись впереди, на стенке пилотской рубки: „Start! Bitte anschallen“, т. е. Start! внимание!

Через 10—15 минут, покрыв по полю на полном газе 200—300 метров, взвились на воздух. Берем крутой, градусов в 45, крен и выпрямляемся по курсу на Данциг. Тремя моторами, по 300 сил каждый, громко салютуем Кенигсбергу и через несколько минут уже несемся к громадному, болотистому сверху, озеру. Это — Фришгаф. С северо-западной стороны его замыкает, как и соседний Куршгаф, бесконечно длинная, узкая стрелка косы Фрише-не-рун. Мчим я на маяк Пилау, уже сверкающий навстречу одинокому циклопическим глазом.

В сплошной бешено-бессильной вой слились надрывные потоги всех трех моторов. Один — впереди пилота, другие — врезанные в крылья, которые расположены у „юнкерсов“, в отличие от „дорнье“, ниже кабины. Победно пересекаем какие-то бесчисленные бухты, паутинковые, всего в 200—300 метров шириною, косы, полуострова и выходим наконец к открытому морю.

Когда стемнело совсем, из выхлопных труб моторов, вместо едва видимого днем бледновато-желтого газа, уже металось разрываемое по ветру, вырываемое прямо из глоток машины нежно-голубое призрачное пламя. Рваными, стремительными языками своими жадно лижет оно алюминиевую гармонику крыльев.

За маяком Пилау открылся широкий простор Данцигской бухты. Грандиозный вал, темная ограда узкой косы отделяет ее от Фришгафа и ряда других громадных водоемов. Розово-оранжевые краски горизонта слились с синеватой дымкой моря. В 35 минутах от Кенигсберга прегради свой бег над морской гладью и вернулись к земле. Она встретила нас далекой иллюминацией домов, улиц, мостов. Изогнувшись прихотливой дугой с востока на запад, великолепная Висла свинцовой массой изливается в море.

Данциг! Изрезанный каналами, с каменными островками на широкой реке. Бегут ярко освещенные желтые вагон-

чики трамваев. В Данциге самолет снижается только днем и засветло. Поэтому мы идем мимо, без посадки, на курорты Прибалтики — Оливу и Цоппот (Балтийское „Монте-Карло“).

VIII

За Данцигом начинается „Польский коридор“, шириною в 40 км. Сейчас в нем так же темно, как и во всяком другом „коридоре поздней ночью“. „Настоящим“ сюда в од воспрещен. Вот почему наш „Д-1092“ осторожно минует зачумленную зону „коридора“, предпочитая морские просторы изменчивым случайностям „коридорных“ равнин.

Еще несколько минут — и мы снова в Германии, в Померне. Идем параллельно железной дороге, черз Лауэнбург, на Штольп. Тихий провинциальный Штольп неожиданно для себя вошел в историю, связав свою судьбу с печальной слезой незадачливого Нобиле. Отсюда тот предпринял свой роковой полет к северному полюсу.

От Штольпа путь наш лежит через живописную, лесистую Померанскую Швейцарию, сейчас спрятанную в темных складах ночных теней, на стык с железной дорогой у Лабеса и дальше на Штадтгард. Отсюда разбегаются рельсовые пути на Каммин, Штольп, Бромбург, Кюстрин и близкий Штеттин.

Днем в 35 км можно видеть тихие синие воды Штеттинской бухты, а сейчас, ночью, — лишь белесоватый млечный путь штеттинских улиц.

Неумоно поют моторы за алюминиевой стенкой. В кабине полумрак. Впереди глубоко в креслах — четкие неподвижные силуэты людей. Никто не шелохнется. Тревожно спит Германия после тяжелого трудового дня, чтобы с рассветом снова стать к каторжной машине в городах и селах, ибо победителям извне нужны репарации, а победителям изнутри — прибавочная стоимость на труд. В щели окон глядят сероватые изгибы рек, квадратные поля и, словно притаившиеся, темные пятна лесов.

Сидевший до сих пор неподвижно на правом переднем кресле, у самой двери в пилотскую рубку, человек открыл пе-

ред собой металлическую дверцу шкафа в стене. Там вспыхнули и желтовато осветили кабину несколько радиоламп. Человек надел на голову „уши“ приемника, что-то записал в тетрадь, потом быстро отстучал что-то на аппарате, вроде Морза. Затем снова слушал и снова стучал, тщательно заносил в „корабельный“ журнал метеорологические сводки встречных самолетов и земных станций, тут же делаясь с ними собственными наблюдениями. На „Д-1092“, как и на многих других одиночных, имеются не только радиотелеграф, но и радиотелефон для связи с землей. Радиус действия радиотелефона вдвое меньше радиуса радиотелеграфа, а „длина“ последнего — 600 км. Таким образом в ночном полете самолет поддерживает непрерывную телеграфную и телефонную связь с обскими гаванями — отправления и прибытия — и, разумеется, со всеми промежуточными.

А ночь сгустилась. Внизу пятна всех цветов слились уже в одну сплошную жгучую мглу. По ней, как по южному, глубокому черному небу, рассыпаны звездами, созвездиями, солнцами неведомых миров мириады городских огней. И все это — в оправе из тьмы кромешной. Страшно и непостижимо, как будет садиться наш „Д-1092“ в Берлине? Какие технические усовершенствования помогут ему разобраться, ориентироваться в этом мраке и найти верную точку спуска, когда всякая неточность в этом деле „гробу“ подобна? И, как бы отвечая моим мрачным мыслям, впереди — яркая вспышка огня, словно из тяжелого орудия. Нехватает только звукового сходства. Маяк! Потом еще и еще! Через определенные промежутки времени вспыхивают одинокие огни маяков — зеленые, желтые, красноватые, голубые — ровные, мигающие, пульсирующие, в полоборота, в целых и т. д. Каждому свое место и время. Они шлют нам вдогонку лучи, мягко проназывающие самолет, направляя его бешеный бег и желая „счастливого пути“.

Сверху и снизу — два звездных мира: небесный и земной. Между ними — затерянная в мировом пространстве стремительная металлическая точка самолета. Вверху — мерцающие подлинных звезд,

Внизу—ровный, немигающий свет городов, то в далекой молочно белой туманности, напоминающей астрономическую или звездные кучи, то в совсем близком четком отсвете уличных фонарей.

Идем вперед полным ходом. Сейчас же к юго-западу за Штадтгардом и гла во мраке овальная серость озера Мадв. Отсюда—на Кенигсберг Померанский, через стальную ленту Одера, к дачным поселкам Берлина.

В звездном небе, расстилавшемся под самолетом, впереди и по сторонам его, насколько хватает зрения, разметался в пламенном жару четырехмиллионный Берлин.

Он виден километров за шестьдесят, а может и больше того, громадной звездной кучей на западном небосклоне, фосфорическим океаном огней. По мере приближения кажется, что весь горизонт облит лучезарным пламенем пожара. Пылает мир! Из немигающей светлой массы сверкнул ослепительный луч, резнул острым ножом по глазам, исчез внезапно и снова исчез. Пульсирующие толчки по сознанию и ночному эфиру. Это говорит 150-метровый берлинский фуктурм, искроалая башня беспроводного телеграфа. Фуктурм шлет нам привет за десятки километров, через закрытые веки глаз. Если бы наш пилот и уснул, то фуктурм наверно разбудил бы его своими режущими глазами толчками.

Наш дуралюминиевый „конек-горбунок“ спокойно продолжает свой точно-размеренный бег прямо к гуще ослепительного хаоса, словно нездущая бабочка к пламени свечи. Уже от сплошной и нецелитрированной массы огня потянулись щупальцами сверкающие жемчужные нити окраинных улиц, а за ними, в самый мрак, рассыпались светляки последних городских фонарей.

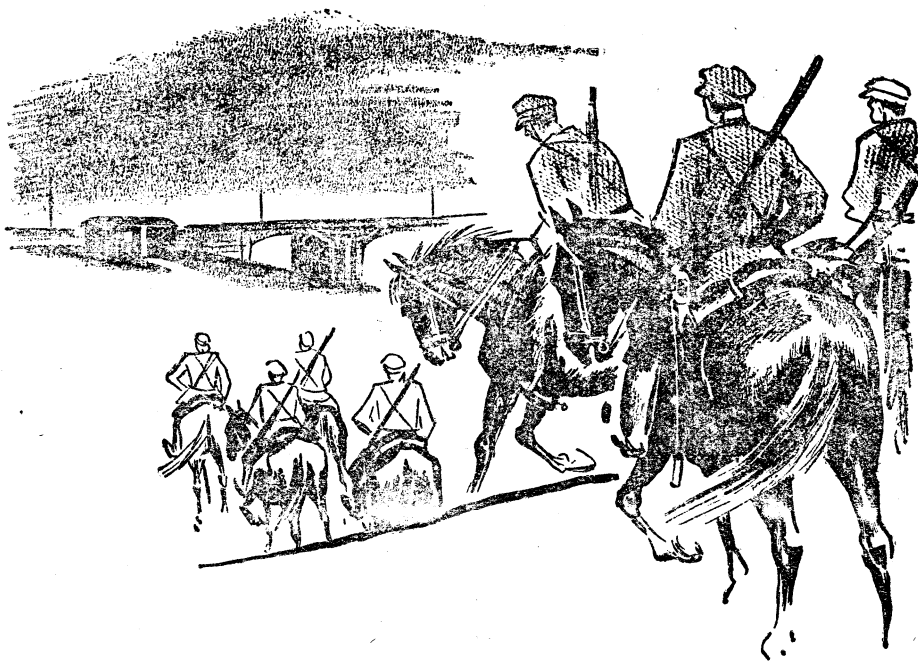
„Д-109“ идет на снижение. Радист начал торопливо свертывать провода спущенной под фюзеляжем антенны. Мы идем низко над городом. Можно подумать, что там сего дня, по случаю нашего прибытия, грандиозный праздник и иллюминация. Фейерверк или излюбленный немцами факельбег? Но это лишь обычное, будничное освещение города.

На центральных улицах светло, как днем. Нет, светлее, чем днем, потому что днем не увидишь так отчетливо ни быстро движущихся красно-желтых гусениц электрических поездов, ни мгновенно вырвавшихся из удруливого дымного плена поезовки, ни бело-желтых автобусов, ни черных проворных насекомых-такси, ни густых человеческих волн, переливающихся чересные берега Курфюрстендаммы и Тауншен.

„Ф-1“ положила свои кино со всех концов, сзывая на пожарище десятки тысяч людей.

Беснуся разноцветные рекламы на высоких кровлях домов. Фантазия, покрывая рев моторов, уже доносила в кабину, вслед за ослепительным светом улиц и их оглушительный, кипучий гуд—звонки и дребезжание трамваев, грохот подземных поездов, громовые раскаты „унтергрунда“ и вопли авто-сирен.

Пересекали центр. За ним в ночной дали—четкий, красно-огненный квадрат Темпель-офа. Красными светящимися стеклянными трубками Круска очерчен грань его. Замедлили бег. Резче выступили из мрака красные трубки. Вспыхнула матовая дожджданная надпись „Landung“. Над громадным двухэтажным зданием вокзала в ночи пламенистыми буквами горит: Берлин.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

ВЗРЫВ МОСТА

Б. Тарасенко

Рис. Г. Фитингофа

... Под Воронежем голодный волком рыщет Шкуро. Где-то там, под Тамбовом, прорвавшись с конницей Мамонтов, рвет железнодорожные пути, уничтожает целые составы вагонов, грабит города и палит окрестные деревни.

В город ежедневно привозят десятки подвод изрубленных в куски красноармейцев и „подозреваемых“ в большом числе. Среди них подавляющее большинство — евреи. Трупы до того изуродованы, что невозможно разобрать, где лицо, где ноги. Это — работа Шкуро.

В сердце закипает жгучая ненависть. Каждую ночь наш сводный батальон выезжает на операции. Мы мечемся от Воронежа к станции Касторной и обратно, ищем врага, но враг не ловим. Он не принимает открытого боя, ускользает от нас, скрывается в лесах и наносит нам жестокие удары с той стороны, откуда мы их совершенно не ожидаем.

Но вот конница Буденного вторично наносит сокрушительный удар шкуровцам, отбрасывает их к станции Лиски и устремляется за Мамонтовыми. Обстановка на фронте резко меняется. Следом за конницей выступаем мы.

Меня срочно вызвали в штаб.

В теплушке с тифозноболными красноармейцами доехал я до Воронежа. По пути в штаб я вошел в госпиталь. Сняв с моей головы повязку, главврач госпиталя объявил мне, что мой „кумпол“ в самом наилучшем порядке.

— Счастлив ваш бог, что удар шашки пришелся пламнями. В другой раз будьте осторожны в таком деле! — напутствовал меня главврач.

К одиннадцати часам утра я был в штабе и прошел прямо в кабинет начальника.

— Зачем вызывали? — спросил я.

— Новости, дорогой мой; сегодня утром нашими частями занята станция Евдоково, — встретил меня начальник штаба Чумаков. — Ты хорошо знаешь участки Юго-восточной железной дороги. Так

вот в чем дело, — продолжал он, положив передо мной лист чистой папиросной бумаги. — Записывай все, что я тебе говорю. Обстоятельства: я уже тебе сказал, нами занята станция Евдоково. Против нас без боя отходит на юго-восток, по направлению станции Сагуны. Допускается возможность, что противник при более благоприятном для него условии может на определенное время задержаться в Сагунах. Я конечно этого не допускаю, но возможность есть... наше положение на фронте в настоящее время удачное. Теперь инициатива находится в наших руках. Но и на солнце есть пятна. На что мы особенно наделись — допущено: отступая, противник оттянул с собой все эшелоны с продовольствием и огнеприпасами.

Он повернулся к письменному столу, открыл один из ящиков и достал оттуда карту и лист чистой глянцевой бумаги. Вооружившись толстым карандашом, он подзвал меня к столу.

— Точного пути отхода эшелона со станции Лиски мы не знаем. Но раз нами занята станция Евдоково, то противник их не перебросит далее станции Сагунов. Иначе он не может поступить. А если так, значит они находятся в Сагунах. Это ясно. Если же в ближайшие двое суток мы не предпримем решительных мер и неотрежем их от тыла, эшелоны могут уйти на узловой пункт, станцию Евстратовку. Тогда прощай, все пропало! Этого мы не должны допустить. Любой ценой мы должны захватить их. У нас положительно раздета и разута вся дивизия, да и не одна она. Мы должны одеть их в самое ближайшее время. И только отобрав эти эшелоны мы можем вздохнуть спокойно.

Начиная грузно подгибался из-за стола и, сделав несколько шагов назад и вперед, подошел ко мне.

— Ты знаешь, какой ценой достаются нам огнеприпасы и обмундирование? Вечера вечером мы с командиром обдумывали,

кому бы поручить эту операцию, и решили — тебе. Три дня тому назад вы захватили в плен двух офицеров. Опросив их, мы отобрали у них документы, а самих отправили в Москву. Переодевшись в их форму, вы проберетесь в тыл белых и взорвете железнодорожный мост на перегоне между станциями П. и Э. Сегодня я вызову Борцова и человек двадцать курсантов из сводного батальона. Наденьте форму белых и айда. Ты окажешься в чине ротмистра Курбатова. Борцов — сотника Гаврилюка. Боццов производите в „чины“ по своему усмотрению. А сейчас я ознакомлю тебя с оперативным положением на фронте.

Он направился к противоположной стене кабинета, где висела большая оперативная карта, вся сплошь усеянная флажками, от станции Евдокова до Воронежа и дальше — красными, а от станции Евдокова до Ростова-на-Дону — белыми. Взяв в руку длинную палку, он подозвал меня к карте.

— Так слушай. Вот станция Лиски. Это один из крупных узловых пунктов по Юго-восточной железной дороге. Здесь переплетаются четыре ветки в разных направлениях: первая — Лиски — Таловая — Кадач, вторая — Лиски — Харьков, третья — Лиски — Графская — Воронеж и четвертая — Лиски — Евстратовка — Ростов-на-Дону. Теперь тебе станет понятно, почему белые придавали большое значение этому пункту. И не следует удивляться тому, что противник до последнего момента держал свою базу в Лисках. В любую минуту он мог перебросить ее по любой ветке. Твоя задача состоит в том, чтобы взорвать мост между станциями П. и Э. Заявляю, что мост там сам по себе даже доброго слова не стоит, но для нас его взрыв имеет большое значение. Вот именно эту миссию мы и возлагаем на тебя. Если ты своевременно попадешь туда и взорвешь мост в тылу противника, база с имуществом, можно надеяться, останется у нас. Ни на одну минуту не забывай серьезности дела и будь осторожен. С собой возьми двадцать килограммов пироксилина и двести аршин бикфордова шнура. Вооружение — винтовки, шашки, гранаты и ручной пулемет. Конский состав предоставит вам штаб Н-ского полка согласно моему приказу. Выедете сегодня ночью с таким расчетом, чтобы попасть на станцию Евдоково к утру. Вот и все.

Несколько минут в кабинете длилось молчание. За стеной в другой комнате был слышен стук пишущей машинки.

В кабинет вошел начальник секретно-оперативного отдела.

— Товарищ Семенов! — обратился к нему начштаба. — Вот этого товарища необходимо дополнительно информировать по всем вопросам, связанным со взрывом моста. Особенно проработайте с ним вопрос маскировки. Произведите фотоснимки с него и Борцова и снабдите их документами ротмистра Курбатова и сотника Гаврилюка. Подготовьте форму белых для двадцати человек, предусмотрите все мелочи.

Начштаба опять подошел ко мне.

— Когда кончишь сборы, приходи ко мне. А теперь пожелаю тебе всего хорошего! — И он обнял и крепко поцеловал меня.

Я вышел из кабинета.

К трем часам прибыл Борцов с людьми, а к пяти сборы были кончены. По телефону я доложил об этом начштабу и просил разрешения выехать в семь вечера с таким расчетом, чтобы рано утром прибыть на станцию Евдоково. Начштаба разрешил.

Через полчаса мы были уже на станции Воронеж-Пассажирская I и вручили коменданту станции приказ штаба дивизии.

Ровно в семь парогвоз с одним классным вагоном тронулись с запасных путей по направлению Лиски — Евдоково.

— В добрый путь, сотник Гаврилюк! — пошутил я, общаясь с Борцовым.

— Взаимно, ротмистр Курбатов! — отшучивается Борцов. — Интересно знать, господин ротмистр, пойдут ли к вашим плечам погончики?

Двадцать человек боццов с шумом и гамом размещались по поездам.

В пять часов утра прибыли на станцию Евдоково. Станция была в полуразрушенном состоянии. Водоканал и два дома были снесены с лица земли. Эшелоны с каменным углем и горы проводов опрокинуты под откос. Местных жителей совершенно не видно. Какая-то военная часть беспорядочно сушила у пакгауза и разгружала из складов муку и еще что-то в мешках. На платформе — трупы. Утомленой походкой по платформе ходят двое часовых.

— Что твой Мамай прошел! Кладбище какое-то, а не станция! — спрыгивая со ступенек вагона, сказал Сергеев.

— Голову разобьешь, душень! — толкнул его Перунов.

— Сдавай оружие! — крикнул я, входя в теплушку.

Штаб полка помещался в маленьком домике. С большим трудом нашел начальника штаба и вручил ему пакет штаба дивизии.

Внимательно прочитав содержание пакета и бегло просмотрев мои документы, он смеясь возвратил их мне обратно.

— Ну и ротмистр! Но вообще — не горюй! Не во френче с погонями дело! Через два часа конский состав и снаряжение поступят в твоё распоряжение. Выступишь ровно в десять часов вечера. С остановкой на позиции ознакомься здесь лично. Обед и ужин для людей получишь у коменданта станции. Еще раз повторяю — к десяти часам будь готов. А теперь, если хочешь, помоги со своими людьми коменданту погрузить в вагоны муку из пакгауза. Пойдешь, что ли?

— Ладно. Все равно делать до обеда нечего...

— Вот и хорошо! А я сниму оттуда людей и отправлю на позицию. Каждый штык на учете, — напутствовал меня начштаба.

Разделив людей на две партии, мы приступили к погрузке вагонов. Работа спорилась.

— Эх, давненько не работал. Как-то соскучилась спина без ярма! Ну-ка, красавец, поддай! — обратился Сергеев к старику Перунову.

— Держи, паршивец! Здоров как бык! — и он ввалил на спину Сергеева пятипудовый мешок с мукой.

— Это что! Вот когда я служил грузчиком в Новороссийске, то приходилось таскать из разных там трюмов ящики, пачки и всякую такую вещь, — серьезным тоном говорит Сергеев.

— А пароходы тебе не приходилось носить? — так же серьезно спросил его Перунов.

— Не, не пробовал, — кряхтя под мешком, ответил Сергеев.

К трем часам погрузили двадцать пять вагонов и ушли обедать.

В десять часов вечера крупной рысью выехали со станции и свернули на проселочную дорогу. На всех нас была форма белых.

В трех верстах впереди нас на позиции вспыхивают зарницы от выстрелов. Было слышно, как где-то там в балке захлебывался пулемет. Глухая утеснившая стена, ухнула тяжелое орудие. Гасекая со страшной силой воздух, разорвался снаряд. Следом за первым тротелем еще весть — и опять наступила тишина.

Когда отряд спустился в балку, конница остановил свою лошадь.

— Теперь мы прискаки, товарищ, — обратился он ко мне. — Проезжайте вот здесь, все прямо. Когда проедете хуторок с тремя хатами, — отведен днем со станции, — то поверните вправо и прямо по стене дуйте вперед. Проедете примерно верст девять и выедете на Павловскую дорогу. Когда будете возвращаться обратно, держитесь этого же маршрута, по которому вы проскочите фронт. Свои заставы мы предупредим. Главное — соблюдайте осторожность и не наскочите на разъезд белых. А теперь — счастливого пути! Надеюсь, скоро увидимся.

Компелла пожал мне руку и усакал обратно. Мы же, соблюдая осторожность, поехали дальше. Через час, полудан в темноте, мы миновали хутор и выехали на Павловскую дорогу. Позади нас застрелотал пулемет, а через минуту опять все успокоилось.

— Ну, как будто промахнулись благополучно. Что будет дальше — увидим, — тихо сказал Борцов.

— И дальше будет хорошо. Не впервой лезть в пасть белякам, — ответил Перунов.

Ускорили рысь. Пошел сильный снег.

Больше двух часов мы мчались по пустынной степи. Давно уже заглохла перестрелка у нас в тылу. Проскочили три большие деревни. Усталое тело просит отдыха. Но отдыхать нельзя. Еще до света мы должны быть на месте, взорвать мост и вернуться обратно.

Проехав еще верст пять рысью, я нагнул повод и поехал шагом. От лошадей густыми клубами валил пар.

— Что там за мост, что по отношению к нему такой почет? — обратился ко мне Перунов.

— Начштаба в Воронеже говорил, что очень маленький. Вообще на месте посмотрим.

Промахнули еще несколько деревень. Далеко вперед показались огни Павловска.

Нагнув повод и подгоняя уставших лошадей, мы опять поскакали сильной рысью.

Разъезд С. мы объехали в час ночи. Шел сильный дождь. На полустанке стоял какой-то паровоз и сифонил. Несколько раз он дал свисток, колеса под ним завертели на месте, и он тронулся по направлению станции П. Когда он вышел из стрелки полустанка, я рассмотрел, что это был броневик.

— Какой подходящий момент уничтожить этого бронированного жука! — горячо зашептал мне на ухо Сергеев. — На нас форма белых. Мы можем подъехать к нему, дать знать, чтобы вышли к нам. А потом — под откос. Все же одним паразитом меньше будет.

— Пускай катит себе на здоровье! Он и нам пригодится. Не так уж богаты мы броневиками! — возразил Борцов.

— Ты, товарищ командир, прежде всего взорви мост, создай обстановку для этого, а потом и распоряжайся им.

— Взорвем, будь покоен. Для этого мы и едем.

Наступила тишина. Было слышно только цоканье подков наших лошадей и в отдалении замирал стук колес бронепоезда. Лошадь Борцова споткнулась.

— Ну и темень! Даже ушей у лошади не видно. В такую ночь только черти в прятки играют да мосты рвут! Скоро ли в конце концов доедем?

Как бы в ответ на его вопрос, вдали заблестел огонек. Я остановил отряд и сошел с лошади. Моему примеру последовал Борцов.

Расстегнув мокрую шинель и достав из полевой сумки карту с маршрутом, я попросил ребяг загорючить себя, зажечь спичку и посмотрел на карту.

Да, сомнений нет. Мы находимся недалеко от моста.

— Поезжай, Борцов! — сказал я. — Я думаю, что огонь около моста, — обратился я к Борцову.

Пять человек во главе с Борцовым нырнули в темноту.

— Значит мост недалеко, — подумал я. Мне стало жарко. Назойливые мысли лезут в голову: «а вдруг на мосту охрана? Значит дело может сорваться».

Я облизал занекшие губы.

Томительно долго тянулось время. Темным покровом окутала ночь распухшие от дождя черноземные поля. В соседней деревне занесли потухи.

— Неужели третий час? — сказал кто-то сзади меня.

Но вот наконец послышался топот. Через минуту подошел Борцов.

— На мосту охрана... Человек семь, не больше, — сказал он.

— Сергеев!

— Здесь, господин ротмистр!

— Поведите людей минут через пятнадцать после нас. Пять человек: Перунов, Сухомитин, Иванов, Терещенков и Черевов пойдут со мной. Лошадей вести в поводу, — распорядился я.

— Слушаюсь!

— Да не спугайся, думая, что за это время мы снимем охрану.

— Слушаюсь!

— Чорт возьми! Мне кажется, что наш новобранческий вахмистр родился с поговнами! Одна выправка чего стоит! — издевался над Сергеевым Перунов.

— Ну, поехали! — толкнул я Борцова.

Спустившись в балочку, в полуверсте от моста, мы спешились.

— Тихо, товарищи. Сухомитин, возьми повода и жди нас.

В сопровождении Борцова и остальных, в кромешной тьме и в пустой пелене шедшего снега мы направились к мосту.

Взобравшись на высокую насыпь моста, мы полезли к огню. Когда мы подползли вплотную к мосту, моим глазам представилась следующая картина: саженях в двух, чуть левее второго пути, стоял товарный вагон без колес. Окна в нем были застеклены, а в них сверкал огонь. Меня озадачило то, что на мосту не было часового.

— Вот так охранители! Видимо забыли поставить часового.

— Глубокий тыл, — прошептал Перунов.

Оглянувшись кругом и более внимательно осмотрев мост и окрестность, я убедился, что мост действительно не охраняется. В одну минуту созрел план действий.

— Борцов, подожди с ребятами меня здесь. Интересно знать, чем занят караул. Я сейчас вернусь.

Осторожно подвигаясь вперед, я осторожно подполз к вагону. Из вагона несся шум и смех. Поднявшись на руках, я осторожно посмотрел в окно вагона. Человек пять или шесть солдат (сразу не понял) резались в «двенадцать одно».

Игравшие в карты сильно увлеклись. Дисциплина у белых видимо совсем отсутствовала. Соблюдая осторожность, я ополз от окна и прескочнул к своим. В нескольких словах я передал им, что видел в вагоне.

Распределив роли, мы неслышно двинулись к вагону. Вооружившись наганом и бомбой, я сильным толчком ноги распахнул дверь вагона.

— Ни с места!... — командовал я вскочившим со своих мест солдатам. — Собрать оружие в одно место! — приказал я Борцову.

— Ваше благородие... Господин поручик!.. Ей-богу, мы не виноваты! Только сейчас хотели вести развал! — сказал заикаясь солдат, соскочивший с нага, видимо не разобрав погон у меня на плечах и принимая нас за своих.

— Ладно, после разберем! Сдавай оружие! — прикрикнул я.

— Попал пальцем в небо! Вот унечет тебя под полевой суд господин ротмистр. Будешь знать, как надо нести службу! — крикнул на него Перунов, проворно отвинчивая замок у пулемета.

— Господин ротмистр... Господин ротмистр... Ей-богу, мы не виноваты!... — шептал карульный начальник поблещившими губами.

— Вынеси оружие из вагона. Обыскать арестованных! — приказал я.

— Господин ротмистр, явился! — взвиз под козырек, сказал Сергеев, вытянувшись в дверях.

— По всем правилам военного искусства, подлец! Что значит чин! — ожив вдруг Перунов, увидев Сергеева.

— Помогай господину сотнику! — бросил я в сторону Борцова.

Через минуту все было кончено. Шесть человек пленных были выведены из вагона.

— Сергеев, веди арестованных к отряду и жди моих распоряжений!

— Слушаюсь, господин ротмистр! — шелкнул он каблучками. — Ну, пошла, защитники, матери вашей дуло! — крикнул он на пленных и растаял в густой пелене.

— Перунов! Приведи в негодность оружие и выбрось его под мост!

Деять минут спустя я, в сопровождении Борцова, спустился под мост. Внимательно осмотрев его со всех сторон. Мост был железобетонный и на таком же фундаменте, длиною в несколько сажен. Тяжелые упоры, скрепляющие его концы и основание, глубоко вошли в землю и крепко держали многотонную массу железа и бетона. Он был переброшен через маленькую речушку, которая вероятно в сухое время года совершенно высыхала.

Да, прав был начштаба, что на него не стоило бы тратить пироксилина, если бы не такое дело.

Разложив на три разные части кубики пироксилина и уложив их в специально приготовленные для этой цели цинковые коробки из-под патронов, я полез под южный край моста. Взрывчатое подложили в трех местах. Протянули длинный бикфордов шнур. Соединив все три конца, я поджег их и бросил на сухое место. Голубое пламя причудливыми змейками поползло внутрь шнура.

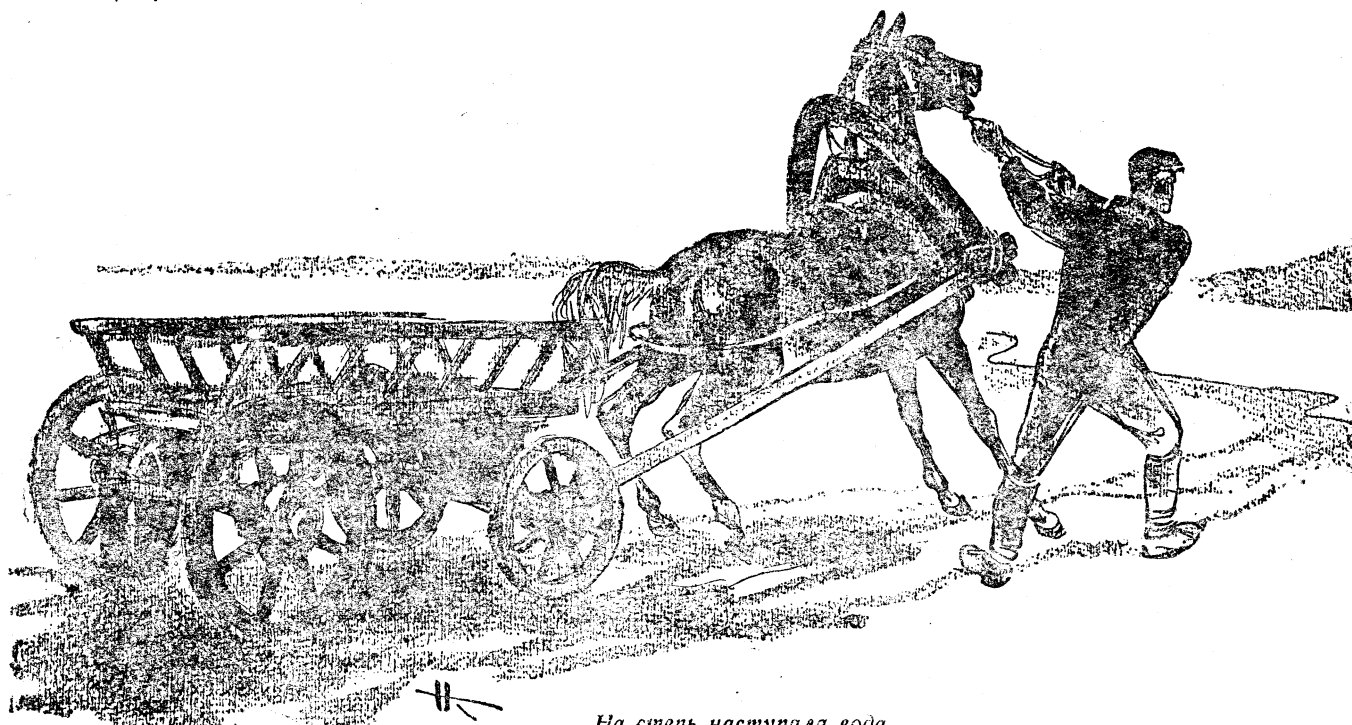
— Уходи к отряду! — крикнул я и побежал прямо по полю к балке. Прибежав к лошади и вскочив в седло, я приказал пленным идти впереди нас. Поехали шагом.

— Товарищ командир, разрешите сагитировать беляков! — просит меня Перунов.

— Валей! Только скорей! Нужно ехать! — разрешил вместо меня Борцов.

Перунов ударил лошадь плетью и подвез к пленным.

В эту минуту со стороны моста раздался один за другим три взрыва. Столб огня высоко взметнулся вверх и фейерверком рассыпался во все стороны...

На степь наступала вода...

З Е М Л Я Г О Р И Т

А. Беляев

Рис. Н. Кочергина

Скоро тракторы, превращенные в трамвайные машины, выехали на поле и, по указанию Валькирного, начали отвозить пласт за пластом.

Солнце прогревало все сильнее. Весна была дружная.

Плотина протянулась уже больше чем на половину, когда случилось одно происшествие.

Валькирный командовал своими танками на полях, как вдруг к нему подбежал растерянный Грачев. В руках он держал бумагу.

— Ты что? — спросил Валькирный, насторожившись.

— Кондрат Семеныч, что ж это такое?.. Как же это так?.. — начал Грачев. — Вот бумага пришла из „Каптажа“... тут пишут...

Валькирный не слушал. Выхватил бумагу из рук Грачева и, хлопнув ею по плечу так, что тот осел на один бок, сказал строго:

— Идем за мною... — и они отошли от тракторной колонны, чтобы не слышно было их разговора.

— Ну, в чем дело? Говори.

— Да вот, „Каптаж“ спрашивает, как у нас идет работа по переносу. „Красных зорь“ на новое место. И закончим ли мы работу к первому мая. Как же это так, Кондрат Семеныч?

Валькирный досадливо крикнул.

— А вот так. Бей в мою голову. Не допущу. Плотину устроить скорее и дешевле, чем целый поселок переносить. Понимаешь? Когда они увидят, как все это и осто устроилось, сами благодарить будут. А выгонят меня — чорт с ними. Только бы „Зори“ отстоять.

— Ну... а если кто-нибудь из них, от „Каптажа“ сюда придет да все это откроет?

— Не придет. Теперь у них там своих делов много. Все уж объездили. А придет, увидят, что мы еще не начи-

нали переносить „Зори“, отругаются да и оставят по моему. Я так полагаю... Разве что вышвырнут меня из „Зорь“. Ну что ж. Ты предом будешь... Что нос на винту повесил?

— Я ничего...

Грачев поплелся за Валькирным и теперь новыми глазами посмотрел на возводимую плотину. Недоумение и страх отражались на его лице.

А Валькирный в виду не подает. Командует, как ни в чем не бывало. Крепкий человек.

Дождь прошел. Под лучами весеннего солнца заблестели мокрые рельсы, крыши стационных зданий, новенький паровоз. Пыхтит он, сил набирается, — сейчас пойдет развозить по свету разных людей с разной их судьбою.

С крыши арестантского вагона каплют капли, блестящие, как ртуть. Зарешеченное окно открыто, а в окне, как из рамы — голова старика. Хмуро смотрят темные глаза из-под клочковатых бровей. Жадно втягивают широко раскрытые ноздри влажный весенний воздух. Душно в вагоне, а Глеб Калганов привык к вольному воздуху моря и голги. Смотрит Калган на станционную суету и словно не видит. Ушел мыслью в себя.

И вдруг его взгляд ожил, наполнился злобой. Калган увидел Кузьму Сысоева, хотел спрятаться, отойти от окна, — поздно. Косичный глаз Кузьмы уже впился в его темные глаза, держит, не отпускает...

— Случайна или не случайна эта встреча? Пожалуй, что и не случайно. Кузьма был главным свидетелем обвинения на суде.

Пришел! Своими глазами хочет видеть, что не вырвалась из сетей шука зубастая... Пробирается сквозь толпу, не спуская глаз с Калгана. К окну прилип, глаза словно пьянки впились в лицо Калгана, держит... Молчит Калган.

— Сидишь? — спрашивает Кузьма. — У, змея!..

Загудел паровоз, тронулись вагоны.

Глеб тяжело опустился на скамью и посмотрел на дюжих сыновей своих, сидящих напротив. А рядом с ним угрюмо надулись рыбаки из его артели.

— Поехали! — глухо сказал Калган.

— К чортовой бабушке в гости, — проворчал рыбак, сосед Калгана. — Все по твоей милости!

— Сам в омут головой и нас туда же! — подхватил другой. — „Не дадим Волгаматуски!“ Вот и не дали. Поверили старому псу.

Молчит Калган. „Вот, — думал, — Михеев всему причина Востроногого со

— Только бы „Зори“ отстоять, — сказал Валькирный...

свету сжить, плотину прорвать — и спасена Волга. Думал так, а вышло иначе. Плотина прорвалась, а Волгу все-таки завтра заирать будут. В чем причина? Вот и Куз ма — малорослый, шуплый, котчем придакнись. А снял голову с плеч Глеба. Почему? Потому что он с теми, что сироят. Тяжело вздыхает Глеб.

Отгремели оркестры, отзвучали речи ораторов. Торжество закончено. Взаты в плен широкое волжские воды.

А несметные толпы народа еще не расходятся. Смотрят, что дальше будет с Волгой. Ждут необычайно. Но Волга словно испытывает человеческое терпение. Ее уровень повышается почти незаметно для глаз.

Идут посмотреть на реку ниже плотины. Там интереснее. Вода быстро спадает.

— Мелеет! На глазах усыхает! — слышится взволнованный, веселый голос. Толпа любопытных спешит туда.

Да, мелеет Волга. Из-под воды показываются песчаные островки, — вершины банок, перекатов Вот и дно. Песок, пласты ила, затонувшие якоря, обросшие плесенью темные остатки когда-то потонувших рыбачьих судов и барок... Торчит нос полузанесенной песком рыбачьей лодки со сломанным парусом... Речное кладбище. Волга открывает свои подводные тайны.

Несколько неудачливых рыб, не успевших вовремя уйти с водою вниз бьются на песчаном дне, сверкая серебром чешуи на весеннем солнце.

— Смотрите! Сом! — кричит тот же веселый голос. — Усища-то! Усища!

— А ведь верно. Попался, голубчик! Ну и сом! Пудов на шесть. Тащи на фабрику-кухню!

Огромный, усатый сом остался в яме, наполненной водой. Бьется. Тычет в песок тупым рылом, взметает хвостом грязные брызги.

И уж толпа обсуждает план, как достать сома.

— А ну-ка, ребята, за мной, по морю яко по суху! — с ослепительной веселостью кричит молодой парень и пытается добраться до сома. Но ноги вязнут во влажном иле. Махнув безнадежно рукой, парень вылезает на берег.

— Тут и сам пропадешь вместе с сомом!

— Доски положите! предлагает кто-то. До сам и ночи толпились любопытные по берегам реки.

Барраж делал свое дело. К ночи Волга начала медленно заливать левый берег. Ее обильные воды погнали в наступление на пустыню, гасить пожар земли.

Едет Матвей по степи на буланой лошадке, песню поет. Буланный словно заслушался, плетется шагком и ушами прыдет.

— А ну, веселей подбирай ноги, Косыка! — покрикивает Матвей и продолжает песню.

К Волге Матвей едет за товаром для колхозного кооператива. Время весеннее дорогое, вот и выехал ночью, чтоб к утру вернуться.

Косыка опять ушами прыдет и хвостом

крутит. Или песня не нравится? Можно другую. Но не успокаивается конь. Голову вперед вытянул, воздух нюхает, фыркает. Даже дрожит как будто. Что за причина? Зверья почуял? Но какой тут зверь в степи? Сдвни суслики.

Стоп! Стая Косыка как вкопанный, назад прет, фыркает. Оказия! Привстал Матвей на телеге и вдруг видит... и глазам своим не верит.

Далеко-далеко в степи при свете месяца вода серебрится широкой полосой. Во га? Да ведь еще и полпути не проехал! Может померещилось?

— Но, пошел! — Не идет конь. Задом пятится.

А серебристая полоса на горизонте переливается синим светом, растет, ширится. Река не река, озеро не озеро. И вдруг осенила мысль: Волга двинулась.

То орли об этом Матвею, предупреждали, но не очень-то он беспокоился: «Пока Волга до нас дойдет, двадцать раз успею вернуться!» А вот не успел, захватила.

Дернул вожжами Матвей, повернул телегу назад. Косыка будто только и ждал этого. Откуда и прыть взялась! Скачет — подгонять не надо.

А вода за ними идет, тихо так, словно игнорно, заливая да заливая степные просторы.

И вдруг зашумела вода — сначала по задним колесам, потом по передним, залила ноги лошади и покапала вперед, засиливая степь. Глянул Матвей на землю, — в воде отражается месяц.

— Вывози, Косыка! — кричит Матвей.

А Косыка сразу ходу сбавил: в грязи вязнет.

Косыка еле ноги перебирает. Пошлепал еще маленько по воде и стал. Увязла телега в жирной степной грязи. Не вылезешь... Сойти, что ли, в студеную воду, да помочь коню?..

Ну и холодна вода! А делать нечего. Бултыхнулся Матвей, начал телегу тянуть, коня понукает...

А воды идут все дальше.

Вот они нашли русло высохшей речки и, славенные бергами, потекли быстрее. Они вычерчивают новую карту края с новыми озерами, заливами, реками...

Колхозники Сухого Дола с полуночи дежурят возле новых хат на высоком холме. По радио уже разнеслась вест:

идет вода! Там, где была безводная степь, потечет река.

Ребята, вмиг ожившиеся на крыши, увидели первые.

— Вод! Иде-ет!..

При лучах восходящего солнца расплавленным золотом текла вода, заливая старое речное ложе, оставленное быть может тысячу лет назад.

— Трофим! Ганя! сел! Рыба в гости идет!

— Сухой-то наш Дол теперича мокрым выходит!

— Дед Панас! Нато бы тебе в старой хате остаться! Быт бы ты теперь дед водяной и рыбой командовал бы!

Панас шурит от света старые глаза, улыбается. И вдруг новый выкрик с крыши:

— Пароход идет!

Это уж ни с чем не сравнимо! Все головы пов рнулись на запад. Там среди водяной глади ш велилась кака-то черная точка, медленно приближавшаяся.

— Какой пароход! Это лодка!

— Чорт на дьяволе, ей-богу!

Наконец черная точка приблизилась: человек верхом на коне едет.

Усталый, весь мокрый, подъехал Матвей, бросивший телегу в степи.

Новая река, еще безыменная, течет на восток, увлажняя воздух и землю. Она пришла сюда, в выжженную солнцем степь, чтобы тушить пожар земли. Шла ошупью, осторожно, как слепая, нащупывая все неровности почвы, заливая ямы, иногда отвлекаясь в сторону, и вдруг — стоп! наткнулась слепая на стену. Постояла маленько и повернула на юг, изменив намеченный ей старым руслом путь.

— Станция «Красные зори»! — крикнул Грачев.

На плотину высыпал весь поселок. Валькирный улыбается. Все вышло так, как он хотел. «Красные Зори» спасены. Была опасность, не зальет ли река поселок, обойдя плотину сверху, но и эта опасность миновала: к югу скат, и река направила туда свои воды.

— Пусть теперь из Камышина приезжают да посматривают! Я им сберег не один десяток тысяч рублей. И весь «барраж» сами соорудили, ни копейки у них не попросили!

— Молодец, Кондрат Семеныч! Голова!

— А теперь за работу, ребята! Нечего зевать! — и он зашагал к спасенным «Красным зорям».

Однако день этот кончился совсем не так радостно, как начался.

Валькирный отдавал распоряжения на скотном дворе, когда к нему прибежал запыхавшийся Грачев. На нем лица не было.

— Кондрат Семеныч, беда!

— Что, плотину прорвало? — быстро спросил Валькирный и сам немного побледнел.

— Нет, не то! Наделали мы делов, Кондрат...

— Да говори же, чорт, толком!

— Сейчас звонили по телефону из Суханова. Говорят, залило деревни Игошки и Черняево, которые не надо было заливать. Черняево маленько залило, а Игошки в ложине, так ту совсем по крыши. Мы, значит, речку своей плотинкой повернули не туда, куда надо. Просят помощи...

Валькирный уже не слушал. Он рванулся и побежал к конторе, крикнув на ходу:

— Звони тревогу!

Но Грачев отстал от него, и Валькирный, первый добрав до площади перед конторой, где висел колокол, созывающий на работу и обед, начал бить в набат. Отовсюду сбегался народ. Валькирный отдавал приказания:

— Запрягайте лошадей, живо! Берите багры, топоры, веревки, не жалейте лошадей, гоните во всю. Летите в Игошки. Там наводнение!

Помчался на неоседланном гнедке...

А сам побежал к конюшням, выбрал лучшего коня, наскоро надел уздечку и помчался на неоседланном гнедке по степи, берегом новой реки.

Деревня Игошки была в двадцати километрах от „Красных зорь“.

Добрый конь легел вихрем, а Валькирному казалось, что он еле плетется. Кондрат Семеныч бил по шее лошади концом уздечки и каблуками в бока.

— Ведь вот казний! Я думал, что река пойдет левее... А ну как там еще люди потонули... — думал Валькирный, и в то же время невольно осматривал местность. Совсем незнакомая! Река, заводи, озера...

Вон и крыши Игошек виднеются над водой. На крышах люди, петухи, кошки... Крик, стон, плач...

Крестьяне, успевшие выбраться, пока вода была не высока, сидят на берегу с унылым видом. Вокруг на земле одеяла, подушки, самовары, тулупы, — что успели вынести. Собаки, подняв морды, воют, глядя на затопленную деревню.

Валькирный подбегает и круто осаживает лошадь.

— Отчего не спасаете, сидите сложа руки? — набрасывается на крестьян.

— А как спасешь? — огрызается рыжий крестьянин. — Лодок нет, с голыми руками в воду не полезешь.

— Амбар разобрать надо было да плот сделать! — говорит Валькирный.

— Языком-то легко! — слышится враздежное голоса. — Сам сделай! Топоры потопли, веревок нет, чем плот связать?

— Руками можно было амбар разобрать. На бревне не утонешь. Так понемиго и перетасили бы народ на берег.

Валькирный, как был, в тяжелых сапогах и неизменной кожаной куртке, плывет к ближайшей избе. Он снимает с крыши мальчика, садит себе на шею и плывет обратно к берегу, не обращая внимания на толпу.

Несколько человек успел уже перетаскать на берег Валькирный, когда приехали краснотелы.

Работа закипела. Разобрали по бревнам старый амбар, смастерили плот и на нем перевезли всех с крыши на берег.

— В хатах никого не осталось? Утонувших нет? — спросил Валькирный.

— Как будто все целы... — Начали считать, перекликаться.

Валькирный уже собирался вернуться в „Зори“, чтобы распорядиться, как разместить людей, оставшихся без крова, когда с дороги неожиданно послышался гудок автомобиля.

Приехал из Камышина секретарь ячеек, Тулак, которому уже сообщили по телефону обо всем.

Он подошел к Валькирному, положил ему руку на локоть, — до плеча не достал, — и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ну, что, Кондрат Семеныч, теперь вы понимаете, почему частное надо подчинить общему? Посвоявольничали и наделали делов! Придется теперь ответ держать!

Валькирный молчал, опустив голову.

Письмо первое

Дорогой Лени!

Не знаю, с чего начать. У меня такое состояние, словно я просмотрел без перерыва сорок кинофильмов. Попробуй, разберись во всем этом. Из вороха разнообразнейших впечатлений выбираю общее: колхоз „Новый путь“, по-моему, самое интересное место на земном шаре. Я словно переселился на другую планету, где время движется с невероятной быстротой.

Начать с того, что от Камышина, где я осматривал великую волжскую плотину, в колхоз я летел прямым сообщением на большом почтово-пассажирском аэроплане. Постоянная линия. В „деревню“ на аэроплане. Недурно?

Был ветреный день, и я словно катился по американским горам над широкою степью. Когда-то она была безводной, засушливой, капризной на урожаи. Теперь вся она залита водой: реками, озерами, лагунами... Мстами я еще видел деревянные „хаты“ деревень, но чаще встречались на пути (или, вернее, под путем, так как я смотрел сверху) каменные четырехэтажные дома, целые городки таких домов.

— А вон виднеется и „Новый путь“, — сказал мне сосед, указывая на горизонт.

Я увидел дымящиеся трубы заводов. Много фабрично-заводских труб. Не ошибся ли мой попутчик? Я вопросительно посмотрел на него. Он улыбнулся и, видя мое недоумение, пояснил:

— Это колхозные фабрики и заводы по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: льна, пеньки, кенафа, консервированных фруктов и овощей, мясокхладобойни, сыр-варни, мельницы, элеваторы, рыбо-консервные, сахарные, маслобойные заводы.

Через несколько минут я увидел весь сельскохозяйственно-фабрично-заводский колхозный город. Он стоял у реки, — новой реки, созданной каптажем, которая снабжала его водой. Выше по течению, отделенный широкой полосой леса от дыма фабричных труб, расположился „жилой“ город, весь из белых двухэтажных домов, утопавших в садах и парках. Несколько домов выделялось своею величиной, — вероятно дома правительственных и общественных учреждений. На реке виднелись купальни, сновали лодки.

Когда мы пролетали над лесом, отделившим город от фабрик и заводов, я увидел ровную, как по линейке, дорогу, прорезывающую лес. Она была асфальтирована. По ней взад и вперед сновали трамваи и автомобили.

Мы пролетели над городом, и вновь перед нами потянулись поля. Шли весенние полевые работы. С высоты аэроплана тракторы казались маленькими жуками, кем-то выдрессированными. Ровненько двигались они по полям стройными рядами, оставляя позади себе черную, взрыхленную почву. За ними ползли другие машины, вероятно бороны, следом за ними — сеялки.

Местами среди полей виднелись стройки. Строились новые двух-трехэтажные дома.

— Новые деревни, — улыбаясь, сказал мой сосед. — Старые деревни строились без плана. Теперь вся площадь колхоза, — а он у нас не маленький, — разбита на участки; и все население, занятое сельским хозяйством, будет равномерно размещено по всей площади колхоза так, чтобы каждый населенный пункт обрабатывал прилегающую к нему территорию. Сократятся расстояния до конечного пункта, а значит и время на переезд. Экономия в топливе машин, быстрота...

— Вы в колхозе работаете? — поинтересовался я.

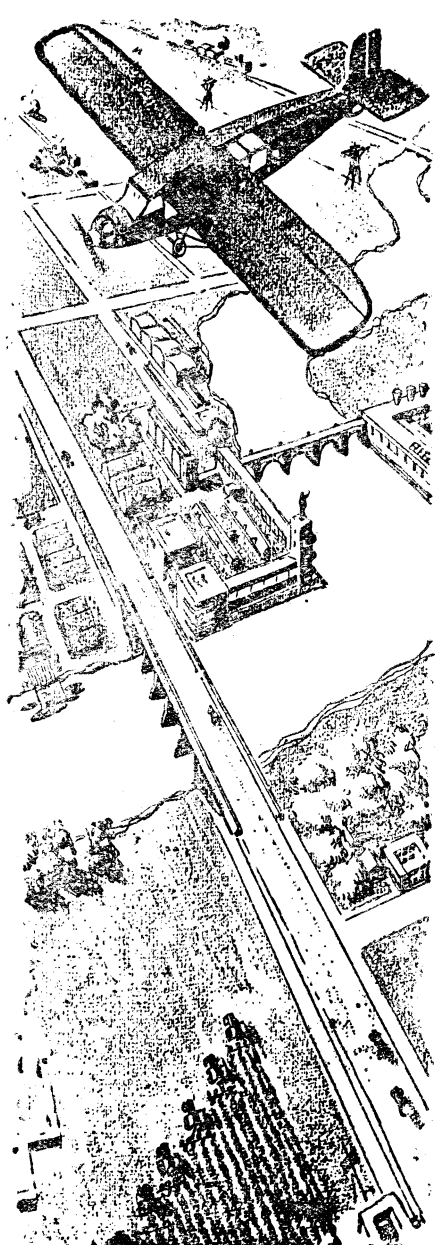
— В колхозе. Помощник бухгалтера. А вы же корреспондент? — спросил он меня в свою очередь.

— Нет, — ответил я. — Я тоже еду работать в колхозе. Я — электротехник.

— Иностранец?

— Да, немец.

— Вот мы скоро и дома, — сказал мой друг.

Мы пролетели над городом...

Я увидел на горизонте высокую ажурную башню радиостанции.

— Приемно-передающая. Наша колхозная.

Вскоре показались и дома. Много хороших каменных домов, площадь, окруженная высокими зданиями, сад, памятник: человек с поднятой правой рукой — Ленин. Зеркалом блеснула излучина реки. Сколько здесь рек!..

Аэроплан начал снижаться, и скоро мы опустились на хороший аэродром. Я вышел. Меня удивило обилие аэропланов, стоящих на аэродроме.

— Уж не имеет ли колхоз и собственные аэропланы? — спросил я моего спутника.

— Общественные. Осовиахимовские. Для посевов и борьбы с вредителями.

С легким чемоданом, — багаж мой шел отдельно, — я пешком отправился в деревню, колхоз, город, агрогород, — уж не знаю, как назвать.

Город новенький, с иголочки. Кое-где еще оканчивают штукатурку и побелку зданий.

Я без труда нашел дом и комнату, предназначенную мне для жилья. Ты хочешь знать, какова эта „колхозная“ ком-

ната для одинокого? Двенадцать-пятнадцать метров площадь. Продолговатая. Большое венское окно без шторы. Под окном — трубы водяного отопления. Голубоватые стены. У окна справа — небольшой письменный стол со стулом и настольной электрической лампой. Другая лампа под потолком. Рядом со столом, на стене маленькая полочка для книг. У левой стены — диван, служащий и кроватью. Постельные принадлежности — в выдвижном ящике в самом диване. Ближе к двери, в той же левой стене — стеной шкап для платья, немного выступающий. У правой стены — умывальник, отделенный с боков, на высоте пояса, толстыми стеклянными стенками, чтобы не разбрызгивать воду. Дальше, у стола — телефон. Над входной дверью — рупор громкоговорителя.

Дом довольно большой. В нем имеется хорошая общественная столовая, клуб, при нем — небольшая библиотека. Если в ней нет нужной тебе книги, можешь заказать ее по телефону в центральной городской библиотеке. В конце коридора — ванная комната, где в определенные часы дня можешь и побриться.

Я позавтракал и отправился к своему „начальству“. Но об этом посещении разреши написать в другой раз.

Будь здоров. Твой Карл Э.

Письмо второе

— Вы знаете агрономию? — спросил меня бригадир, когда я явился к нему. Вопрос несколько удивил меня.

— Я электротехник.

— Я тоже электротехник, — ответил он. — Но у нас и в электротехнике агрономический уклон. Так сказать агроэлектрика, как бывает агрохимия. Не думали ли вы, что вас пригласят возиться с электрическими лампочками? С этим у нас и школьные ребята справляются. Вся электропроводка в новых домах лежит на них. У нас требования к электротехнике свои. От электричества мы требуем кое-чего большего, чем освещение домов и полей. Вы приехали в интересный момент, когда мы, пользуясь дешевой электрической энергией, которую дал нам каптаж, переходим к электрификации сельского хозяйства. Мы получаем ток от большой электростанции острова Шишки. Видали?

Я кивнул головой.

— Да, грандиозное сооружение. Но вы еще не установили проводов высоковольтного напряжения?

Бригадир усмехнулся и ответил:

— Не спешите отрицать существования того, чего вы не видите.

Этот ответ удивил меня, но я скоро понял. Ведь советские ученые еще несколько лет тому назад изобрели изоляторы, позволяющие прокладывать под землей кабели для высоковольтной передачи на большие расстояния.

— Подземные кабели? — спросил я.

Бригадир утвердительно кивнул головой.

— Это дешевле, — ответил он, — и экономичнее в сельском хозяйстве. Хотя у нас земли и много, но мы дорожим каждой пядью. Надземная проводка отняла бы немалую площадь полей для установки башен и затруднила бы работу тракторов.

— Какое же применение будет иметь электричество в вашем сельском хозяйстве?

— Самое разнообразное. Идемете, я покажу вам нашу работу. Много сделано, еще больше придется сделать. — Бригадир критически посмотрел на меня. — Вы уже человек немолодой, а учиться придется вам самому.

Мы прошли на окраину колхозного городка. Там, где начиналась полевая дорога, стояло большое, длинное одноэтажное здание со многими широкими дверями. Сквозь открытые двери я увидел тракторы нового для меня типа.

— Электротракторы, — объяснил бригадир. — Последняя модель. Работают на аккумуляторах. Волжские воды, которые тысячи лет напрасно растрачивали свою энергию, теперь отдадут ее нам. Наши тракторы, как рабочие лошади, насыщаются этой энергией и идут на поля.

— А что вы будете делать со старыми тракторами, работающими на горючем?

— И им найдется еще немало работы. Передадим их в те колхозы, которые находятся слишком далеко от источника электроэнергии. Электричество сэкономит нам немало драгоценного топлива. Ведь жечь нефть, из которой можно получить ценнейшие химические продукты, в сущности говоря — варварство.

Мы прошли в соседнее здание. Там стояли другие машины: электрические бороны, косилки...

— У нас все будет делать электричество, — с гордостью сказал он. — Этой же весной мы возьмем наши поля в электрический оборот. Нас и так опередили. Как-нибудь в выходной день поезжайте в соседний колхоз Реадовский, — это ближе к Волге. Полюбуйтесь, что там делает электричество. Идемте теперь на скотные дворы, они у нас уже с осени электрифицированы.

Дорогой он продолжал говорить:

— Мы не только обрабатываем землю электричеством, но и греем ее. Под землей прокладываются электрические грелки. Слишком поздняя весна и ранняя осень не будут нам больше страшны. Но и это еще не все. У нас есть поле, где мы ионизируем растущие злаки, и результат получается превосходный. А вот и стойла.

Чистые, теплые, проветриваемые помещения, освещенные электричеством. Возле каждой коровы — электрическая дойка.

— Рука человека не прикасается ни к корове ни к молоку. Электричество доит, перерабатывает молоко, чистит коров и стойла.

Затем мы осматривали инкубаторы. Длиннейшая комната, напоминающая заводский цех. Да так оно, в сущности говоря, и есть. Это настоящая фабрика. Здесь „полуфабрикат“ — яйцо — превращается в „конечный продукт производства“ — живого цыпленка. Тянутся длинные черные ящики. Тишина. Безлюдье. За людей работает электричество.

— Присматривать за температурой больше не приходится. Она регулируется автоматически. Электрические грелки работают идеально. Все рассчитано. Когда приходит срок, сюда являются наши птицеводы только для того, чтобы взять „готовых“ цыплят и заложить в инкубаторы новые порции яиц.

Следующая комната встретила меня разноголосым писком. Это „детская“, брудергауз. Здесь воспитывают вылупившихся птенцов. Они разделены по возрастам и помещаются в ящиках с невысокими стенками. Над ящиками — электрические лампы и провода, какие-то металлические шары с иглами.

— Ионизация и воздействие ультрафиолетовыми лучами. Растут как на дрожжах. Заболеваемость сведена почти к нулю.

— Электрические цыплята, — улыбаясь говорю я.

— То ли еще увидите, — отвечает бригадир. — Производство наше не остано-

вливается круглый год, так как куры несутся и зимой не меньше, чем летом.

— Удивительно! — сказал я, с восхищением глядя на тысячи пушистых желтеньких цыплят, весело и хлопотливо копошащихся в ящиках.

— Пожалуй, электричество призвано сыграть самую важную роль в сельском хозяйстве? — сказал я.

Бригадир посмотрел на меня с некоторым сожалением, — так мне показалось: такая, мол, малая сознательность у человека!

— Так может рассуждать только узкий специалист старого времени, — ответил он. — Мы — диалектики, и от нас не ускользает общая связь явлений. Электротехника, химия, физика, агрономия, ботаника, биология, бактериология, метеорология — все имеет свою цену так же, как для растений важны и воздух, и солнечный свет, и вода, и минеральные удобрения. Все одинаково важно. Отнимите одно — и растение погибнет несмотря на то, что всем остальным оно будет обеспечено достаточно. Вот вы познакомьтесь с товарищем Бойко, химиком из нашей опытной сельскохозяйственной станции. Поговорите с ним. Он столько расскажет вам об агрохимии, что, я уверен, химия покажется вам самым важным в сельском хозяйстве. Но вы он ни я так не думаем.

Мы возвращались к гаражу, где я скоро должен был приступить к работе и... учебе.

— Вы сегодня вечером свободны? — спросил меня бригадир.

— Совершенно.

— Так вот что. В Реадовку вы еще успеете съездить. А сегодня приходите к восьми часам в клуб. Я покажу вам киноленту, на которой засняты все моменты электрифицированной обработки земли в одном из лучших наших колхозов. Посмотрите.

В тот же вечер я видел, как огромные электрические плуги врезались в землю и отворачивали пласт за пластом. Я видел, как за ними, словно пехота после артиллерийской подготовки, шли „добывать врага“ другие машины, которые разбивали комья земли. Третьи машины рассыпали удобрения, четвертые сеяли, разве, бережно, аккуратно, пятые косили, жали, связывали и привозили с поля снопы пшеницы и связки сена. Нет, не сена, а свежей травы, которая отправлялась в гигантский силос, где электрическим током убивались бактерии.

Над полями реяли аэропланы; часть сена производилась с аэропланов. Другие аэропланы распыляли отраву для вредителей.

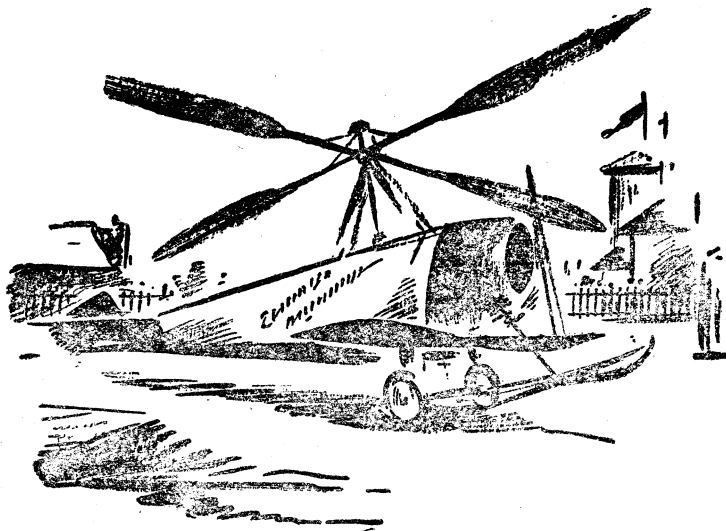
Я видел электрические молотилки, дающие чистое, полное зерно. Наконец я видел, как электричество наполняло зерном огромные элеваторы.

„Где, — думал я, — надрывающиеся лошади, истомленные быки, облитые потом косцы, женщины, шатающиеся от усталости, истощенные, кормящие тут же на ниве дряблой грудью детей?.. Вместо них — веда машины, а возле машин и на машинах видны ловкие, здоровые, уверенно работающие колхозники в синих рабочих комбинезонах, забрызганных машинным маслом.“

Признаюсь, я не видал картины более увлекательной. Это апофеоз энергетике, техники, электрификации, организованного труда, торжествующего над стихийными силами природы...

Будь здоров. Пиши. Твой Карл Эрст.

(Продолжение следует)

Автожир перед полетом.

Б Е З К Р Ы Л Ь Е В

Ю. Геко

Телеграф принес короткое сообщение: Конкурсная группа авиационного отдела ЦС Осоавиахима спроектировала, построила и испытала новый тип летательного аппарата. Его назвали „Вертолетом“.

Он не имеет крыльев и не нуждается в специальном аэродроме. Он будет садиться на небольшие площадки, свободно парашютируя под большим углом с высоты нескольких сот метров. Все это будет делаться даже в тех случаях, когда не будет работать мотор.

Аппарат этот устойчив и безопасен.

Машина сделана целиком из советского материала, советскими специалистами, по чертежам советских конструкторов Камова — Скржинского*.

Событие это произошло без тех сенсаций, которые сопровождают всегда мировые открытия; в деловой обстановке произвели испытания, а затем сообщили о том, что опыты продолжаются.

Советская авиация — самая молодая авиация во всем мире. В наследство от капиталистической войны советская авиация получила несколько разбитых аппаратов, расхищенное имущество, допотопный аэродром и... никакого изобретательского опыта.

Когда закончилась гражданская война, когда началось строительство во всех концах, во всех отраслях хозяйства, естественно было уделено внимание и авиации. Больше чем кому бы то ни было нам нужны аппараты, позволяющие быстро сообщаться. Этого требуют наши пространства, темпы культурной революции и необходимость связи глухих окраин с центрами. Вот почему на фронте освоения воздуха, на участках покорения пространства велась интенсивная работа, в итоге которой мы выходим уже в следующем году по длине воздушных линий, обслуживающих пассажиров, на первое место, обгоняя даже Северо-американские соединенные штаты.

История авиации знает у нас немало выдающихся перелетов, история планеризма насчитывает не один мировой ре-

корд. Мы первые строим модели цельнометаллического дирижабля конструкции Циолковского.

Одни события опережают другие. Постройка „Вертолета“ была для многих неожиданной, так как даже среди работников авиации находились скептики, не верящие в идею летания на бескрылых аппаратах.

Нам удалось добиться в кратчайший срок того, над чем за границей работали десятки лет. Взяв за основу схему так называемых автожиров, то есть аппаратов, не имеющих крыльев, которые заменены у них вращающимися в горизонтальной плоскости под действием встречного потока поверхности, у нас принесли за труднейшие расчеты. Первые испытания не дали благоприятных результатов.

Однако первые неудачи не охладили энтузиастов — конструкторов. Требуемые качества были достигнуты, и аппарат на днях совершил ряд удачных полетов. Работа продолжается. Осознаем строит еще один аппарат, чтобы еще подробнее исследовать особенности новой конструкции. Недалек тот день, когда над красной столицей поднимется первый бескрылый аппарат*.

Автором первого автожира, первого бескрылого аппарата, который должен был бы подниматься и опускаться почти вертикально, является испанский инженер Де ля Сьер. Им еще в 1919 г. был придуман особо комбинированный четырехлопастный винт, который в двойном экземпляре укреплялся над обыкновенным фюзеляжем. Винты крутились навстречу друг другу. Оба они должны были заменить крылья. Опыт оказался неудачным. Ла Сьер продолжал работать. История „автожира“ знает, как крылья заменялись и трех- и пятилопастными винтами, и только в седьмом типе, в седьмой конструкции Ла Сьер решил задачу, выбрав один четырехлопастный винт.

Иным кажется, что невозможно добиться хорошей устойчивости этих аппаратов. Считают, что силы, действующие

на плоскость избегающую, движущуюся от хвоста к носу фюзеляжа, значительно разнятся от сил, действующих на плоскость, уже совершившую пробег с правого борта и убегающую назад. Так было бы, если бы укрепить эти плоскости намертво, как было сделано на первых моделях.

Но техника идет вперед. В особой кабине, помещающейся вверху фюзеляжа, укрепляется втулка, к которой при помощи особых, обязательно шпирных приспособлений прикрепляются лопасти винта. И вот они, в зависимости от действия сил, действующих от напора воздуха, получили возможность производить движения, несколько напоминающие взмахи птичьих крыльев. Кстати, для того чтобы вся эта система имела более спокойные движения, работала плавно, введены дополнительные тросы и размещающиеся на них уравнивающие грузы. Они и ставят каждую из лопастей в правильное взаимное положение по отношению к остальным.

Секрет автожира, заключающийся в шарнирных приспособлениях, и обуславливает его летные способности.

Автожир не имеет ничего общего с так называемыми геликоптерами. У последних лопасти расположенные над фюзеляжем винта приводятся в действие мотором, в то время как в аэроплане винта, заменяющего крылья у автожира, происходит от аэродинамических сил при поступательном движении аппарата.

Иногда даже кажется фантастическим, что для того, чтобы запустить поддерживающую поверхность, вполне достаточно качнуть одну из лопастей винта, дать нужное направление всей системе, а затем — разбег, чрезвычайно короткий, и... взлет.

Самое ценное в вертолетах и автожирах — это то, что они могут почти вертикально опускаться на землю и что разбег их настолько короток, что даже позволяет отказаться от специальных аэродромов. Они смогут садиться на обычные городские площадки, на палубы кораблей и пароходов, на крыши домов. Все это возможно хотя бы потому, что здесь можно добиться почти нулевой посадочной скорости. С введением автожиров и им подобных аппаратов на конец прекратятся аварии, всего чаще происходящие при посадке самолетов. Летание станет совершенно безопасным.

Пилоту достаточно будет взять на себя ручку, которую он управляет, и машина мгновенно замрет на месте, а затем под углом 87% стнет парашютировать вниз. Опускаясь со скоростью пяти метров в секунду, пилот и пассажиры будут следить за приближающейся землей. Когда останется каких-нибудь 30 метров, пилот снова выключит мотор, доведет машину до точки посадки и... снова пауза, короткий толчок, пробег длиною каких-нибудь два метра... откроется кабина, и борт механик предложит пассажирам выйти.

На этих аппаратах возможны любые углы спуска, больше того, любые комбинации вертикальных и горизонтальных полетов. Все это было уже достаточно испытано, все это подтвердилось.

Скорость бескрылых аппаратов доводится до 20 километров в час. Это при общем весе приблизительно в 1100 килограммов, если судить по последним опубликованным сообщениям.

Изобретение вертолета следует считать настолько значительным, что можно говорить о совершившейся революции в авиационном деле.

ПУТЬ К РАДОТИНУ

А. Северов

Рис. С. Верховского

Движение остановилось.

Трамвая не было. Видно произошла авария. Вацлав Конрад напрасно ждал на остановке. Он невозможно опаздывал, он, член оперативной тройки, от находчивости и энергии которого зависит исход демонстрации.

Вацлав поминутно смотрел на часы. Что подумают ребята? Он придет тогда, когда собрание комсомола будет разогнано полицией.

Трамвай не показывался.

— А ну садись, подвезу! — неожиданно раздалось за спиной.

Вацлав обернулся. Он увидел такси. За рулем сидел Ян Блага — комсомолец Ян, служивший шофером в пражской автомобильной фирме.

— Яник, дорогой мой, — воскликнул Вацлав, — если бы ты знал, как ты мне нужен!

— Садись скорей. Я спешу, — сказал Ян.

— А если бы ты знал, как я спешу! Я уже опоздал на четверть часа. Шпарь в Жижков!

Они мчались по широкому ровному асфальту.

— Ты не получал от Эльзы инструкции на сегодняшний вечер? — спросил Вацлав.

— Кое-что слышал. Сегодня к восьми надо собраться у Фошовой улицы.

— Да. Возможно, однако, что всех нас арестуют.

— А может быть полиция все же разрешит собрание? — спросил Ян.

— Не думаю — сказал Вацлав. — Девяносто девять процентов всех партийных и комсомольских собраний проводится нелегально. Полиция предупредила нас, что, если сегодняшнее собрание будет созвано, она примет чрезвычайные меры. Еще бы! Мы будем протестовать против военной подготовки молодежи. А этого буржуазия допустить не может.

— Значит?

— Значит надо демонстрировать несмотря на запрет. Мы отлично изучили местность и знаем, как полиция расположит свои силы, чтобы помешать нам пробираться в центр. Но мы все-таки проберемся.

Автомобиль проехал к Валовскому мосту. В реке дрожали опрокинутые фонари и здания. Миновали Масариков вокзал и через Гусову улицу въехали в Жижков.

Улицы были залиты огнями. Горели вывески. Огненными змеями извивались на небе названия товаров и фирм.

— Последн, чтоб у Фошовой улицы все было в порядке, — сказал Вацлав, спрыгивая с автомобиля.

Площадь была полна народа. Вацлав побежал в Безовку — рабочий дом. Во дворе стоял отряд комсомольцев-велосипедистов.

— Как дела, ребята? — спросил на ходу Вацлав.

— Плохо. Полиция очищает зал.

— Где Франц?

— Он в рабочей комнате.

Вацлав побежал вверх. Франц не дал ему сказать ни слова:

— Сейчас же бери велосипед и поезжай вместе с товарищем Халупным к Жижковскому виадуку. Там отряд полиции. Твоя задача — задержать отряд, пока демонстрация не пройдет на Фошову улицу.

— Это все?

— Все. Полицию необходимо задержать, пока не пройдет основная масса демонстрантов. Понял?

— Будет сделано, — сказал Вацлав.

На полпути Вацлав и Халупный уви-

дели, как жандармы дубинками разгоняли демонстрантов. Где-то за углом пели пролетарский боевой гимн „Рудый прапор“. Значит часть демонстрации уже прорвалась к центру.

Поход начался.

Подъехал к виадуку, Вацлав и Халупный заметили, что его занял отряд полицейских и жандармов. Движение через виадук было приостановлено. Но поперечное трамвайное движение по яути, перескавшему линию виадука, шло без задержек.

Вацлав наметил план. Они остановились. С Гусовой улицы доносилось жение „Интернационала“.

— Поезжай к колонне, — сказал Вацлав Халупному. — Установи связь с руководителем. Когда увидишь, что виадук отрезан трамваями, веди колонну на Фошову, к Национальному музею. Все остальное будет сделано.

Вацлав оставил велосипед в кафе и пошел вдоль рельсов, всматриваясь в лица вагоновожатых. Через несколько минут он прыгнул на ходу в один вагон и стал тихо разговаривать с молодым вожатым. Вагон прошел мимо виадука. За полицейскими шлемами виднелись красные фуражки жандармов и поблескивали штыки.

На средние квартала вагон, в котором сжал Вацлав, неожиданно стал. Вацлав сошел и увидел, как быстро росла сплошная цепь остановившихся трамваев. Но этого все-таки было мало. Необходимо было, чтобы цепь трамвайных вагонов сокнулась у виадука.

Вацлав побежал по линии и вскочил в подходящий к виадуку трамвай. Он незаметно передал вожатому записку и сейчас же спрыгнул.

Вагон прошел немного и остановился посреди улицы. За ним другой, третий. Сплошная линия вагонов отрезала полицейских от Жижковой улицы.

Полицейские набросились на вожатых.

Вожатые разводили руками, ссылаясь на передние вагоны, загородившие дорогу.

В это время главная колонна демонстрантов свернула в боковую улицу и направилась на Фошову, в центр.

Полицейские заметили движение. Они стали пробираться через вагоны, чтобы задержать демонстрацию. Внезапно им преградила дорогу цепь автомобилей.

Он передал вожатому записку.

Это была автомобильная колонна, организованная Яном.

Полиция не смогла пробиться сквозь двойное кольцо. Все прилегающие к виадуку улицы были забиты трамвайными вагонами, автомобилями, мотоциклами, толпами народа. А песня „Рудый прапор“ гремит уже у центральной площади.

Над массой голов развевалось красное знамя.

— Долой военную подготовку молодежи!

— Да здравствует Красная армия!

Демонстрация удалась.

На пароходе

На Смиховской набережной в Праге против пристани стояла группа ребят. Они смотрели на приближавшийся пароход. Все были одеты по-дорожному, с вещевыми мешками на спине. Среди ребят были Вацлав, Франц и Эльза — оперативная тройка.

Река Влтава в этом месте была перехвачена плотиной. Пароходы здесь поворачивали и шли снова вверх — к Збраславу, к Черховицам.

— Ну, ребята, пора садиться, — сказала Эльза, — займут все места.

Комсомольцев набралось много. Это был день демонстрации, назначенной в пригороде Праги — Радотине.

Накануне в коммунистических газетах было помещено такое извещение:

„19 и 20 апреля — все в Радотин!

Да здравствует смычка пражского комсомола с молодежью Радотина и его окрестностей!

Комсомол идет в поход.

Ночевка на вольном воздухе у костров.

Театр, футбол, спортивные состязания.

Демонстрация против военной подготовки молодежи“.

Молодежь с радостью отзывалась на призыв комсомола. В районе и в центре шла подготовка. „Синяя блуза“ и Союз рабочих театров готовили специальные выступления.

Приближалось Первое Мая. Число безработных в Чехо-Словакии увеличивалось с каждым днем. Почти ежедневно тысячи людей, не получивших работы на бирже труда, с песнями шли по улицам Праги, вступали в пререкания с полицией, останавливали движение, требовали:

— Хлеба и работы.

Первому Мая буржуазия противопоставляла праздник Пасхи. Демонстрация комсомола в пасхальные дни вызвала особое внимание пражской буржуазии и особые приготовления у полиции...

Пароход загудел, зашлепал по воде лопастями колес и отошел от пристани. Заиграл комсомольский оркестр.

К Францу подошел Штефаник, секретарь Жинковского райкома комсомола. С ним был высокий парень в очках.

— Представляю тебе нашего гостя, —

сказал Штефаник, — Фридрих Крон из Берлина, только что приехал. Нам писали о нем, помнишь?

Ребята окружили Крона. Он, улыбаясь, отвечал на крепкие рукопожатия.

— Крон — рабочий. У него двухнедельный отпуск, — говорил Штефаник, — он едет собственно в Вену, по своим делам. Но по пути решил познакомиться с Чехо-Словакией. Он отвел на это два дня и составил „железный план“ своих экскурсий, где все расписано по часам.

— Мало, мало двух дней, — закричали ребята.

— Правда, мало, ребята, — сказал Франц. — Вот что, дружище, — обратился он к Крону, — мы твой план изменим. Во-первых, ты сегодня у нас на вечере в Радотине, а 20 апреля — на митинге. 21-го ты осматриваешь Прагу и участвуешь на собрании окраин. А в общем мы тебя отпустим не раньше, как через четыре дня.

Пароход прошел под железнодорожным мостом и остановился у Вышеградской пристани. На пристани была большая толпа. Люди теснились к железным перилам, заглядывая вниз.

— Наверно, утопленник, — сказал Франц, — опять самоубийство.

Двое полицейских, поблескивая медными касками, вытаскивали баграми вздувшийся посиневший труп. Двое других полицейских отгоняли напавшую на барьер толпу.

— Со Смиховского моста и вот с этой Вышеградской скалы чуть ли не каждый день бросаются безработные, — сказал Франц. Он показал на отвесную скалу. На вершине ее возвышались остатки пражского кремля, или Града, как его называют в Праге.

— В Германии приходится шестьдесят три самоубийства на день, — сказал Крон. — Если бы все самоубийцы встали из гробов, это была бы целая армия.

По трапу поднялось несколько пассажиров. Один из них, молодой парень, подошел к Францу.

— Франц, важная новость, — сказал он. — Радотин занят полицией. Всех, кто туда приезжает — арестуют. Только что вернулся оттуда наш комсомолец.

Франц быстро собрал ребят.

— В Радотине полиция, — сказал он. — Нам придется изменить маршрут. Вы поезжайте дальше, в Збраслав и оттуда идите в соседнюю с Радотином деревушку Косор. А мы — „тройка“ — сойдем в Радотине и разузнаем точно, в чем дело.

Пароход подходил к Радотину.

Расстрел

Радотинскую долину заволакивали мягкие сумерки. Из садов Косора доносился нежный запах цветущей черешни. Вечернюю тишину нарушало приглушенное пение и музыка. Дым костров подымался над кустарником. Здесь был разбит лагерь комсомольцев, пришедших походом на Радотин. В палатке штаба шло заседание.

Вопрос о демонстрации в Косоре и о комсомольских пикетах на дорогах был окончательно решен. Митинг назначен на девять часов. Выработали порядок. Когда стал вопрос о том, стоит ли Фридриху Крону выступать на митинге, решили, что это делать не следует.

Крон в это время разговаривал с Кичи, руководительницей пионеров.

— Я никак не могу понять, — говорил Крон, — легально ли в Чехо-Словакии коммунистическое движение? Сколько я ни читал об этом — неясно, да и только.

— Видишь ли, товарищ, — ответила Кичи, — буржуазия боится официально запретить и загнать в подполье коммунистическое движение. Компартия не запрещена. Но созываемые ею собрания запрещаются. А те, которых запретить нельзя, происходят под явным и тайным полицейским контролем. Участников потом отдают под суд „за участие в тайных обществах“. Комсомол как самостоятельная организация не разрешен, хотя существование его в недрах партии известно и терпится. Но ни одно собрание комсомола не разрешается. Газеты можно печатать, но нельзя распространять.

— Это пожалуй хуже, чем в Германии, — сказал Крон.

— Это еще что, — сказала Эльза. — А что делается в Прикарпатской Украине! Там достаточно малейшего неповиновения властям или забастовки, чтобы нагрянула карательная экспедиция. Громят целые селения. Коммунистов арестуют без всяких поводов. Руководителя комсомола Германа Леви пять лет уже таскают по тюрьмам.

— Сюда, сюда! — закричал Франц, взобравшись на высокий пен. —

Музыка и песни прекратились. Комсомольцы тесной толпой окружили Франца.

— В прошлом году, — начал Франц, — пражский комсомол вступил в соревнование с берлинским. Мы обязались завербовать три тысячи новых членов. Это задание нами выполнено. Завтра мы покажем молодежи пражских окраин и всем трудящимся силу комсомольской организации. Мы будем демонстрировать против войны, за оборону СССР, за диктатуру пролетариата...

На другое утро Крон шагнул вместе с чешскими комсомольцами, наблюдая за пестрой, растянувшейся по лесной дороге лентой демонстрации.

Сбоку по тропинке шли полицейский комиссар и жандарм. Они внимательно приглядывались к демонстрантам. Вскоре комиссар обогнал демонстрацию и быстро пошел вперед, к Радотину.

Миллион пажи во тьме есе възпяло,
Червенный когут в стрехи възлит,
Оч тисиц лет нас окрадало,
Мы идем собе назпеть възит,¹ —
пели пионеры.

¹ Миллионы рук во тьме простерлись, Красный петух взлетел на крыши, То, что выкрали у нас в тысячелетия — Мы идем забрать назад.

На дороге у Радотина, преграждая путь, стоял отряд жандармов. Дети продолжали петь. Комсомольцы подпевали им. Вот жандармы уже совсем близко. Первые ряды в нерешительности остановились. Франц бросился вперед.

Он не успел...

Команды не было слышно. Жандармы подняли ружья и дали залп. Выстрелы, разорвав воздух, гулко отдались в долине. Раздался пронзительный детский крик.

— Что вы делаете, звери! — крикнул Франц, подбегая к упавшей Кичи. Она закрывая своим телом стоявшую перед ней школьницу. Пули тяжело ранили ее.

Крон стоял словно в столбняке.

Жандармы бросились на толпу. Они били винтовками, сбивали с ног, топтали упавших. Арестовали Крона, Франца, Эльзу, всех, кто пытался приблизиться к раненым.

Вацлав, пробившись в Радотин, мчался как сумасшедший по улицам и кричал:

— Убиты дети! Ранены дети! Скорей

врача! Где здесь врач?

Ему показали. Он вбежал во двор нарядной виллы. Огромная собака бросилась на него. Вацлав со всей силы ударил ее по голове. Собака взвыла и отлетела в сторону. Вацлав стал яростно звонить.

Дверь не открывали. Он стал стучать.

— Кто там?

— Доктор, ужасное несчастье! Скорее!

— В чем дело?

Дверь приотворилась. В щель показалось заспанное, обрюзгшее лицо.

— Доктор, я прошу вас оказать немедленную помощь раненым детям.

— Я специалист по горловым болезням и никакой первой помощи не оказываю, — процедил врач.

— Доктор, — крикнул Вацлав, — вы обязаны пойти со мной.

— Вы меня видимо приняли за ветеринара, — явно издеваясь, сказал врач. — Попрошу вас убраться отсюда.

— Я уберусь, но только вместе с вами! Во двор вошел жандарм.

— Сударь, — обратился к нему врач, — потрудитесь арестовать этого человека. Он или не в своем уме или не проученный нахал.

— Убийцы! — закричал Вацлав.

— Молчать! — заорал полицейский. —

Именем закона вы арестованы.

Не через две недели и не из Вены возвратился в Берлин Фридрих Крон. Он вышел из пражской тюрьмы поздней осенью. Полгода он просидел в одной камере с Вацлавом и Францем.

„Железный план“ Крона был сорван. Но он не горевал об этом. Значок комсомола Чехо-Словакии и звание члена чехо-словацкой организации увозил Крон с собою в Берлин.

Печатаемый очерк написан по книге Г. Крауса „Приключения Фридриха Крона в Средней Европе“, вышедшей в изд-ве „Молодая гвардия“. Мы советуем нашим читателям прочесть эту книгу и следить за серией „Дела и дни КИМа“.

СВЯТОЙ МОШЕННИК

Е. Фортунато

Рис. Г. Фатнигофа

Мы были откомандированы в Египет для изучения знаменитой во всем мире системы шлюзования Нила и в свободное от занятий время втроем — Котов, Хейфиц и я — осматривали древности Египта.

Так, однажды, возвращаясь из долгой экскурсии в глубь пустыни к пирамидам Менкаура и Нитакерт, мы примкнули к большому каравану в две тысячи голов, шедшему из Триполи через Гадамес и Гат в Александрию, и решили познакомиться с ним, чтобы иметь более ясное представление о жизни пустыни.

Караван тянулся длинной, волнующейся лентой вялых тонов, кое-где расцветившей брызгами ярко-красных тюбанов и развевающихся пестрых барроканов проводников.

Многие недели, месяцы шли эти люди, как бы не чувствуя усталости, и останавливались только на ночь. Шли, плотно сжав губы, приутив себя почти не есть и не спать.

Мой белый двугорбый верблюд шагал очень важно, изрядно качая меня, как в люльке.

— Дззззз... — целил сквозь зубы гортанным голосом проводник и злобно оборачивался на маленького бестроходного одnogорбого мехари, на котором трусил рядом со мной александрийский купец, араб Омер. Омер то и дело перегибался в мою сторону, сверкал ослепительной белизной своих безукоризненных зубов, бойко кидая мне по-итальянски шутку за шуткой.

В караване были арабы разных племен, иногда даже не понимающие друг друга, — так различны были их жаргоны. Были и негры в пестрых бусах. Их фигуры, как бы выточенные из черного дерева, казались еще чернее при этом белом, слепящем свете пустыни. Маслянистая кожа переливалась как атлас, спиральные медные кольца в ушах мерно покачивались, такие же кольца пыльным ожерельем обрамляли шею и образовали тоже спиральный кушак, который, вместе с ожерельем, поддерживал козлиную шкуру, спадшую с плеч до колен и прикрывающую половину груди.

Я щипала себя за щеки, чтобы убедиться, что это не сон или что я не в оперетке.

Омер останавливал мое внимание на всем сколько-нибудь достопримечательном в окружающей меня обстановке.

Он показал мне суданских овец (их гнали впереди каравана) — высоких, стройных, короткошерстных и буквально не знающих усталости. Ростом с крупную собаку, они идут всегда впереди и с неделю могут обходиться без питья, но зато уж, если попадут к водопою, непременно пробивают себе путь первые и пьют досыта, никому не уступая места.

Он показал мне новорожденного верблюда, привязанного к спине матери, и пояснил, что через 5—6 дней он, как ни в чем не бывало, побежит рядом с караваном и тоже будет покусывать ляжки

Зачем их везут?..

идущих впереди верблюдов, и жевать разбросанные на пути кости поколевших верблюдов, и жиреть от толченых косточек фиников, как жиреет его мать...

Он показал мне трех ручных страусов, объяснив, что вот тот, самый высокий, с пушистыми белыми и черными перьями в хвосте и на крыльях, — это „Эдлим“, самец; пониже, серая и ненарядная, — самка „Рибедя“, а третий, пока тоже серый, головалый птенец „Эрмуд“, и что он войдет в полную красу и силу лишь к трем годам.

Страусы уже привыкли к каравану, и по ночам их выпускали пастись с верблюдами и тоже спутывали их.

— Зачем их ведут? — спросила я.

— Как зачем? — удивился Омер, — во-первых, можно разводить, а это большой доход. „Эдлим“ дает в год до полтора десятка драгоценных белых перьев, а кроме того ведь на страусах чудно кататься. Когда страус бежит во всю прыть, дух захватывает, он по пяти метров шаг валяет. А считайте мясо. Ведь у страуса удивительное мясо... А яйца? Каждое страусовое яйцо — это двадцать два куриных, да какие сладкие, сочные... Эх, охота на страусов чего-нибудь да стоит! (Тут Омер вздохнул.) — Как найдут выводок, начинают птицу гнать кругами на конях и гонят так часов 8—10 под ряд, пока не изведут в конец. А тогда страус ложится и голову в песок, вот дурень! — в этом ищет спасения. Тут его и прикончат.

Омер вероятно еще долго говорил бы со мной на эту тему, но меня заинтересовали фигуры в синих бурнусах с длинными черными развевающимися покрыв-

валами, обернутыми вокруг головы в виде чалмы.

— Это туареги, — пояснил Омер, — а покрывала их — „литам“. Видите, оно свешивается со лба и оставляет лишь узкую щель для глаз, а потом опять плотно закрывает нос и рот густым вуалем. Литам не снимают никогда, ни во время сна ни во время еды. Кстати среди туарегов нашего каравана есть один марабут, особа священная и неприкосновенная.

Марабуты считают себя потомками правителей Марокко, и звание марабута переходит из рода в род. Он соединяет в своей особе должность священника, судьи, учителя и врача.

Когда наш караван остановился на ночлег у крупного арабского селения, разбросанного в чахлом пальмовом лесу оазиса, перед палаткой этого марабута взвился его вымпел — зеленый флаг.

Тотчас же вереницы больных потянулись из деревни к святому отцу за исцелением.

Я и мои спутники — инженеры с большим интересом пошли посмотреть на это священнодействие. Омер и его два сына были нашими гидами.

Марабут Бель-Казима, седой важный старец, передвигался очень медленно и как будто с большим трудом. Я видела в пути, как другой туареги помогает ему влезать и слезать с верблюда, как он поддерживает его под локоть, как он бережно усаживает его на мат.

Когда мы вошли в палатку, этот святой отец уже восседал на ярком барокано, покрывающем мат. Он написал что-то карандашом на листе бумаги, потом разорвал этот лист в мелкие клочки и насыпал их в наполненную водой бутылку. Не берусь вам сказать, с какой важностью он встал и принялся трясти бутылку, вознося глаза к небу; но губы его — две едва окрашенные полоски — оставались сомкнутыми. Толпа затихла. На мгновение фигура старца застыла, потом он протянул обе руки и стал распреде-

А по бороде оврагье сало течет...

лять им свое целебное снадобье, а его спутник-туареги получал за это плату.

Куча самой разнообразной снеди, обуви, посуды, безделушек на глазах росла с каждой новой бутылкой „лекарства“.

— Интересно бы потолковать со святым отцом, — сказала я, когда комедия подошла к концу и вереницы больных иссякли.

— Разве вы не видите, что он не разговаривает, — усмехнулся Омер, — он дал обет молчания пророку, поклялся поститься и не проронить ни единого слова за весь долгий страдальный путь по пустыне до Александрии, чтобы пророк исцелял всех больных, которые придут к нему за помощью. А этакий обет молчания иногда бывает очень удобен.

Мы вышли из палатки марабута и смешались с толпой. Туземцы жаловались на голод и нужду: больше года дождя не было. Пальмы сохнут... Масла совсем нет... Козий пастух даже не помнит, когда он вообще что-нибудь ел последний раз...

Омер увел нас в свою палатку.

В палатке неизменно трещала и чадила сухая пальмовая ветвь, напоминая мне наши лучины.

Омер и его сыновья угостили нас сухим мясом, тепловатой, воняющей маслом, водой из бурдюка (в бурдюки непременно наливают сначала масло, прежде чем наполнить их водой) и вялеными финиками.

— Вот я хотел вам рассказать про одного „святого“ отца... — начал Омер. — Тоже пристал однажды к нашему каравану такой важный марабут и табил со своим спутником. Мы шли тогда караваном из Тимбукту в Триполи через Гадамес. Спутник марабута, Кандарка, на каком-то странном, ломаном языке пояснил нам, что святой отец дал обет молчания и его тревожить нельзя. На стоянках он везде проделывал свои фокусы и великолепно разыгрывал эти театральные представления. Больные сходились к нему толпами, и благосостояние обоих странников с каждым днем росло.

„Все это я видывал тысячи раз и так же, как вы сейчас, всегда в душе издевался. Но тут сразу мне почудилось что-то, да не то. Решил следить за ним в оба и добиться правды... А уж если

араб что решит... Однако никак было не подловить, все у них шло гладко, точно по расписанию, а разговаривать не удавалось, — обет молчания. Так мы вместе странствовали недели две, когда однажды ночью, мучимый бессонницей, я ползком как тигр подобрался к палатке „священной особы“ и, прильнув к ее полю, услышал, — что б вы думали? — услышал тихий разговор на чистейшем английском языке: марабут, давший обет молчания, разговаривал со своим спутником Кандаркой“.

— Чем же это кончилось? спросил Хейфиц.

Омер спокойно посмотрел на спрашивающего.

— Чем? Когда в караване убедились в обмане, обоих разодрали в клочья. Не иначе, как были они английскими шпионами...

Омер замолчал. Пальма нещадно дымилась. Сквозь полусомкнутые веки я следила за ее колеблющимся пламенем. Скоро мы отклонились и вышли из палатки.

— Идея! — сказал Хейфиц после небольшой паузы. — Отчего бы нам не заглянуть исподтишка в палатку этого „святого отца“? Думаю, что это могло бы дать нам недурненький материал для его характеристики.

— Я не берусь „подкрасться тигром“, как говорил Омер, — усмехнулся неповоротливый Котов.

— Ясно, что за это возьмусь я. — Маленькая вертящаяся фигура Хейфица приплясывала на фоне белого неба, залитая лунным светом.

— В таком случае мы пойдем с Котовым вперед, — решила я, — а ты попытайся. Вон его вымпел, но, смотри, не попадись...

И Хейфиц отстал от нас.

Когда мы прошли некоторое расстояние и обогнули две-три палатки, мне стало страшно, как бы они нашего Хейфица не спалили да не прикончили.

Состоявшись. Оборачиваясь. И вот прилипающая тень Хейфица уже мчится к нам извилистым силуэтом.

— Амба, ребятки! Ах, шарлатаны!.. Видел...

— Да что видел?

— Святой отец, давший обет великого поста и молчания ради исцеления своих ближних, тараторит как торгова на базаре. А по бороде баранье сало течет, — шашлыком обжирается. Вот тебе и обет молчания и поста.

— Однако! — возмущился Котов. — А ведь они в него верят. Это следовало бы разоблачить... И как они не боятся, что кто-нибудь подсмострит?

— А вымпел на что? Святого отца никто не дерзнет потревожить. Погубите, то ли еще будет завтра. Представление у него конечно начнется с утра.

Долго было не уговориться в эту ночь. Котов прочел нам длинный реферат о шарлатанстве всех „святых отцов“ вообще, а в частности наших монахов, и в результате мы так поздно заснули, что утром опоздали к началу представления в палатку Бель-Казима и с трудом протискались сквозь наполнявшую эту палатку толпу.

Доминирующую роль играли женщины с подростками-сыновьями, но было тоже много любознательствующих, в их числе Омер, его два сына и наш проводник-араб.

Когда мы вошли, марабут стоял очень прямо перед складным столиком и, рас-

Бель-Казим торжественно снял руку...

пластав на нем листочек бумаги, наложил на эту бумагу руку подошедшего юноши и придавил ее своей сухой, прозрачной рукой.

Будя недоумение в моих расширенных любопытством глазах, Омер пробормотал по-итальянски:

— Судьбу пытает... Эти женщины вздували своих птенцов с нами в Александрию на ученье отправить, либо в Каир в Эль-Азгар, ну и спрашивают у святого отца, ясна ли будет их судьба... Это для меня что-то новое... в толк не возьму... Верите ли, ведь он из всей толпы покамест только двоих пропустил...

Бель-Казима торжественно снял руку юноши с бумаги.

Все дернулись вперед, и я увидела темно-коричневый отпечаток руки на белом фоне бумаги.

— Черна... и у этого черна... — не без суеверного страха зашептал Омер.

Еще новый лист бумаги. Другой юноша. И опять зловещий черноватый след на бумаге и ужас на лицах матери и сына.

Хейфиц пробрался к столику. Вот он незаметно поднял соскользнувший листок бумаги с темным отпечатком...

К столику подходил последний из желающих учиться, тщедушный мальчик со впалой грудью, — туберкулез в последней стадии.

Святой отец цепко схватил его руку и прижал ее к вновь положенному листочку бумаги.

Немногие оставшиеся в палатке женщины замерли. Я, признаться, тоже боялась дышать. Марабут поднял голову и тусклым, невидящим взглядом вперился ввысь. Несколько секунд... И когда он поднял руку чахоточного, лист бумаги остался неприкосновенно белым. Вот тут второй туарег с торжеством всплеснул руками и, завывая, выкрикнул несколько коротких отрывистых слов.

— Он восхваляет Аллаха и благодарит его за то, что ясна судьба юноши, — сказал мне Омер, — говорит: пусть этот едет учиться... Но боюсь, что ему и не доехать.

— Ах, прохвост... Вот прохвост! — бешеновался Хейфиц, — какое шарлатанство! Ясное дело. Это бумага, обработанная урановым реактивом, оттого она темнеет от прикосновения, а умирающему он обыкновенную бумагу подложил...

— Если так, то ведь это уже не пустяк; ведь он нарочно отпугивает арабов от ученья. Ему выгодней, чтоб они были суеверны и темны. Таких легче обманывать, — захлебываясь Котов. — Нужно рабоблачить шарлатана.

Но кто мог за это взяться? Мы не говорили по-арабски. Наш проводник не сумел бы осветить такой вопрос как следует, даже переводя наши слова. Омер?..

— Страусы! Страусы!..

Хейфиц уже за него уцепился и влаблаивал ему основную мысль с помощью жестов и с помощью всех иностранных языков, которыми он владел и слова которых приходили ему на ум.

На лице пожилого араба мелькало недоверие. Пророчество марабута видимо произвело на него сильное впечатление.

Тогда Хейфиц стремительно подскочил к святому отцу и, схватив его высохшую желтоватую ладонь, прижал ее к подятому им и спрятанному листочку бумаги.

Поднялся невообразимый гвалт. Кичали разом и спутник Бель-Казима, и Омер с сыновьями, и мы с Котовым по-русски. Марабут тщетно вырывал руку у Хейфица.

Я уже увидела угрожающие жесты по адресу нашего Хейфица, побледнели лица, кое-где взлетели кулаки, но Хейфиц уже отшвырнул руку святого отца и с торжеством показал Омеру и всем присутствующим черные пятна его отпечатавшейся ладони.

— Обязательно на чистую воду вывести... всех собрать... все население, и объяснить... — орал Котов.

Марабут, бледный как смерть, стоял недвижимо. Судорога раза два пробежала по его посиневшим губам, но они не разомкнулись.

Зато его спутник надрылся что было мочи и злобно вырывал листок бумаги из рук Хейфица.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в это мгновение всех нас не отделили раздавшиеся извне крики.

Что-то случилось. Конский топот. Возгласы.

И я не соображаю, кто первый выскочил из палатки и как мы тоже очутились в бегущей толпе.

Селение, как всегда у арабов, было окружено валом, и за этот вал старейшины не впускают караваны. Мы остановились на ночлег у западной оканнины вала, а теперь толпа, жестикулируя и выкрикивая, сбегалась к восточной.

Гляжу, два всадника спешили с низко-

рослых степных скакунов, и у одного из них — кровавое месиво вместо лица.

— Бедуины, — пояснил наш проводник, — это они с охоты на страуса из пустыни... Видишь, как страус его разукрасил, видно камнями швырнулся...

Я с немим недоверием взглянула на Омера.

— Да, — кивнул Омер, — так оно и бывает: страус, обороняясь от преследователей, часто швыряется камнями, — и Омер стал протискиваться сквозь толпу, окружавшую охотников, чтобы послушать их рассказ.

Охота на страусов — это животрепещущий интерес для всего селения, тем более охота неудавшаяся. Омер, как и все в данную минуту, был занят только этим. Но я думала свое, оглядываясь. Где же наши шарлатаны? — Тут... Стоят. Вот туарег склонился к святому отцу, шепчет ему что-то. И было видно, как взгляд Бель-Казима опасливо скользнул по нашим лицам.

— Скажем! — с должной интонацией воскликнул Хейфиц, тоже следивший за ними. — Разоблачим. Вам это не пройдет! — Он погрозил им кулаком. — Не надейтесь на пошаду!

Я попросила проводника:

— Крикни по-арабски: „Не надейтесь на пошаду“.

Он что-то заорал, и я увидела, как судорожно сжались кулаки марабута и его спутника.

Но они перехитрили нас.

В самом пылу азарта рассказов об охоте святой отец, оказавшийся вовсе не расслабленным, как он притворялся все время, и его сообщник, едва коснувшись холки привязанных к стороне несравненных стальных скакунов, вскочили на них и умчались в пустыню, крикнув: „Страусы, страусы!“.

Это вышло так естественно, что в первую минуту даже мы трое не поняли их уловок. Опомнившийся Омер стал разъяснять приезжим охотникам и старейшинам населения, в чем тут дело. Вслед беглецам понеслись пули и всадники.

Адрес редакции: Ленинград, пр. 25 Октября, 28, „Дом книги“. Издательство „Молодая гвардия“. Тел. № 132-44, коммутатор. Прием — с 1 до 3 ч. кроме 6, 12, 18, 24, и 30 чисел.

Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть напечатаны на машинке или четко переписаны чернилами, снабжены подробным адресом и подписью автора. Непринятые рукописи меньше одного печатного листа не возвращаются. В случае надобности рукописи подлежат исправлению и сокращению.

Перепечатка из „Вокруг света“ без указания источника воспрещается.

Издатель — Изд. „Молодая гвардия“. Отв. редактор А. Поневежский. Техред. В. Бомаш. Зав. редакцией И. Бражнин.

П. 50. Огиз № 1400/л. Ст. ф. 6.х94. Тип. зн. в 1 л. 87х90. Сдано в производство 31/х. Подписано к печати 7 хл.

Ленинградский Областлит № 21617. Тираж 126 50. Печ. л. 3. Заказ № 1173. 11-я тип. От ИЗа РСФСР „Молодая гвардия“, Ленинград, В. О., 5-я линия, 28.

